
ОГОНЁК
№ 9 ФЕВРАЛЬ 1973
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

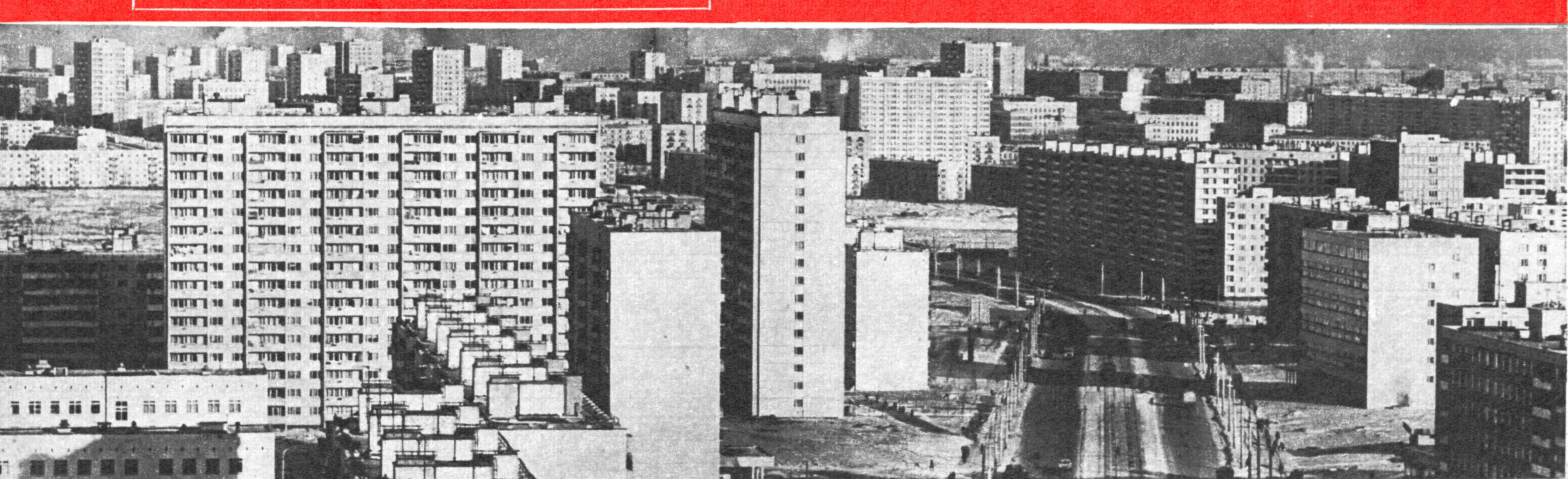
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 9 (2382)

Основан 1 апреля 1923 года

24 ФЕВРАЛЯ 1973

ЧЕРТАН

А. БОЧИНИН,
Ю. КРИВОНОСОВ

— Мы мерим свои темпы прямо городами,—говорит Виталий Дмитриевич Антонов, начальник управления капитального строительства № 5, о московском жилом массиве Чертаново.—Потому и неприменима к Чертанову поговорка: «Не сразу Москва строилась». Что такое в историческом масштабе три-четыре года! Мгновение. А мы за это мгновение отгрохали целый город с домами от девяти до шестнадцати этажей — ниже нет! И население его сейчас — около двухсот тысяч. В шестьдесят восьмом, когда мы сюда впервые пришли, тут только одуванчики цвели... В самый первый дом поселили строителей, чтоб на работу далеко не ходили. Теперь на очереди экспериментальный массив, он вырастет по соседству с Битцевским лесом (четыреста гектаров), который мы «втянем» в Чертаново, — несколько полос насаждений зелеными языками пересекут его.

Серафима Буянова: — Я здесь нашла свое счастье...

Три дня — этаж!

А как живется людям в этом белом городе! Послушаем теперь самих чертановцев.

Николай Иванович Карасев, монтажник:

— Я начинал здесь строить с пустыря. Унылое было место. Приехала как-то на стройку жена, посмотрела, и решили мы с ней: жить здесь никогда не будем! А теперь, вот видите, живем...

— И неплохо,— вступает в беседу его жена Нина Владимировна, приемщица с завода имени Лихачева.— Сначала, правда, с магазинами было трудно, а сейчас рядом «Универсам», напротив дома — магазин «Океан», там нас даже учат рыбные блюда готовить, дегустации устраивают... И сыновьям нашим есть где учиться — построено много школ. Вот-вот вступит в строй киноконцертный зал «Ашхабад» —и тоже рядом...

Серафима Буянова, медсестра:

— Да прекрасней этого района нет! Я здесь нашла свое счастье, прямо, можно сказать, дверь в дверь. Оказалось, что в соседней квартире живет самый лучший на земле парень Алеша Козлов, слесарь, рабочий человек. На днях мы с ним расписались в нашем, чертановском же загсе.

Марина Чистякова, ученица четвертого класса школы № 900:

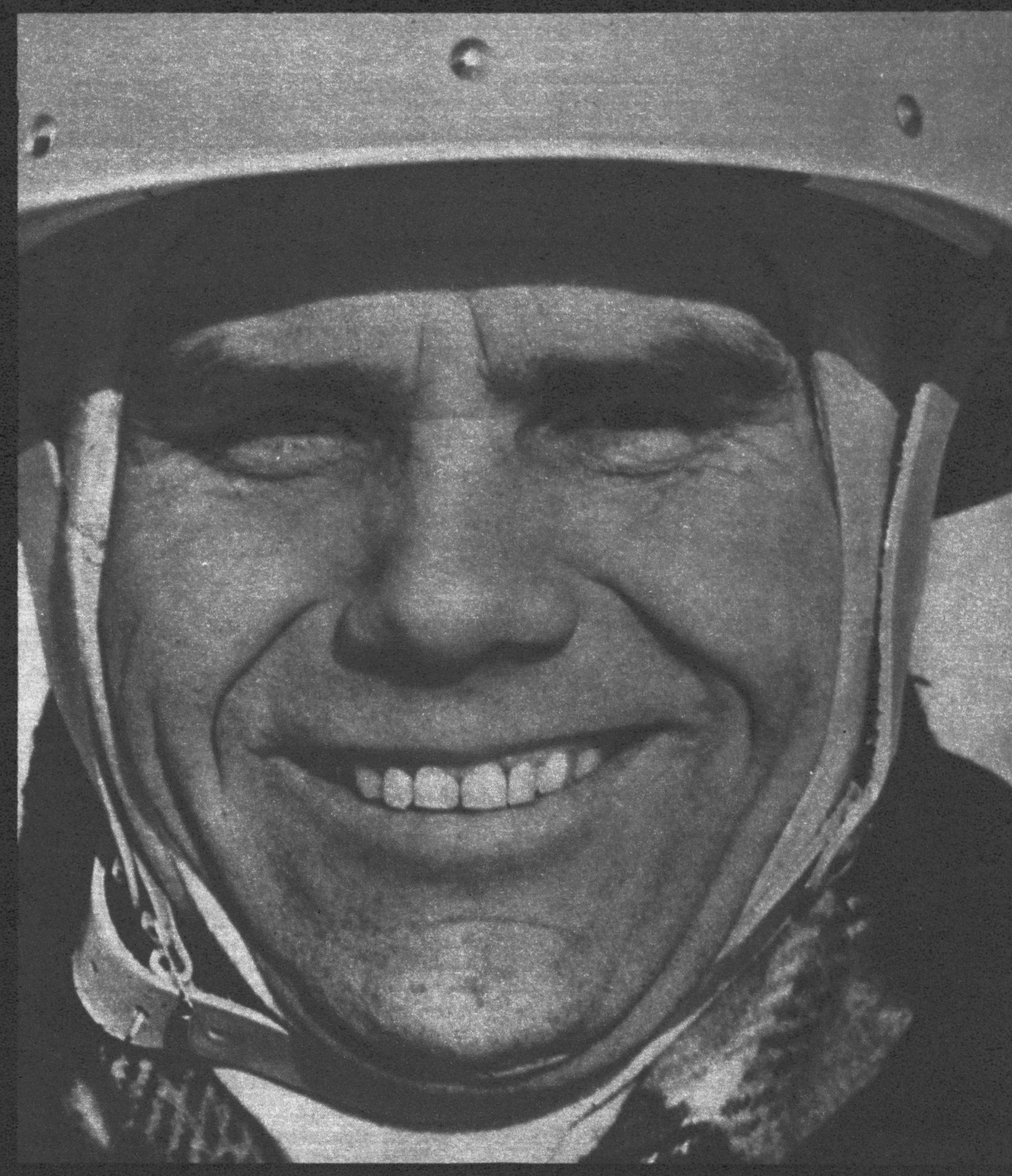
— Мы раньше жили в Химках-Ховрине, но тут мне больше нравится. Зелени только еще мало, но, говорят, скоро сюда лес проведут, и мы сами будем деревья сажать... А школа у нас очень хорошая, про нее говорят—улучшенной отделки, и я в ней учусь на одни пятерки, чтобы она еще была улучшенной учебы...

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ ЧАУКИН, ЗАСЛУЖЕННЫЙ СТРОИТЕЛЬ РСФСР:

— Я уже двадцать лет занят важнейшей, на мой взгляд, работой — строю жилье, к восьмидесяти домам свои руки приложил. Это очень радостное чувство—собирая очередной корпус, видеть, как рядом несколько уже заселяются: люди мебель завозят, детишки впервые входят в свой новый дом... Видишь это — и работа веселей идет. Теперь такой темп монтажа набрали: три дня — этаж, тысяча квадратных метров!

Н. С. Чаукин:— Это очень радостное чувство...

Воскресенье в семье Карасевых.

Руководители партии и правительства при вручении награды товарищу Н. В. Подгорному.

Фото А. Пахомова.

В ЦК КПСС

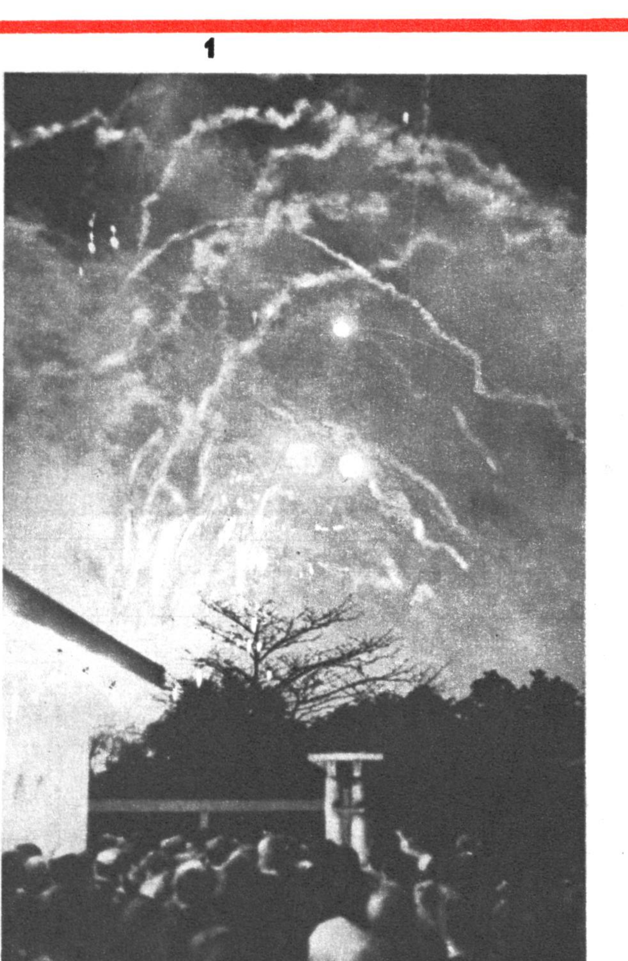
Центральный Комитет КПСС рассмотрел вопрос о начале обмена партийных документов. В принятом постановлении отмечается, что проводимая в партии работа по подготовке к обмену партийных документов в целом проходит организованно, в соответствии с установками XXIV съезда и майского (1972 г.) Пленума ЦК КПСС.

В ходе подготовки к обмену партдокументов более содержательной стала внутрипартийная жизнь, повышается активность и дисциплинированность коммунистов, усиливается влияние парторганизаций на решение хозяйственно-политических задач. Все это способствует дальнейшему укреплению партии, возрастанию ее роли как руководящей и направляющей силы советского общества.

Решены основные вопросы, связанные с организационно-технической стороной подготовки и проведения обмена партийных документов.

Учитывая, что партийные комитеты, политорганы и парторганизации в основном завершили подготовительную

1

НАЧАЛО НОВОЙ ЖИЗНИ

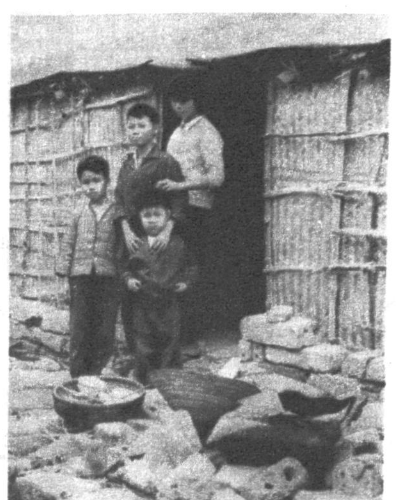
Праздничный фейерверк над столицей ДРВ ознаменовал начало новой, мирной жизни республики. О том, как страна залечивает раны войны, рассказывает фоторепортаж корреспондента «Правды» в Ханое А. СЕРБИНА.

1. Праздничный фейерверк в Ханое. Начался новый год — год победы, год мира.
2. Член Политбюро ЦК ПТВ, министр национальной обороны ДРВ генерал Во Нгуен Зиап вручил награды коллективам ханойских предприятий, отрядам ополчения за отвагу и мужество, проявленные во время отражения налетов американской авиации на столицу в декабре минувшего года.
3. Один из первых временных домов в районе Анзыонг был построен для оставшихся сиротами детей Минь Зу. Он стоит на месте воронки от бомбы, там, где была убита их мать. Отец погиб раньше.
4. Восстанавливают фабрику кондитерских и макаронных изделий, разрушенную во время бомбардировки Ханоя 28 декабря 1972 года.
5. О трагедии и героизме напоминает обелиск, установленный на развалинах столичной улицы Кхамтхиен.
6. В ханойском зоопарке в клетку за решеткой свалили обломки самолетов «B-52». Воздушным хищникам нашли подходящее место.

2

3

19 февраля в Кремле члену Политбюро ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР товарищу Н. В. Подгорному были вручены орден Ленина и вторая золотая медаль «Серп и Молот» Героя Социалистического Труда.

Этой высокой награды товарищ Н. В. Подгорный удостоен за большие заслуги перед Коммунистической партией и Советским государством и в связи с 70-летием со дня рождения.

Награду вручил Генеральный секретарь ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев.

При вручении награды в зале присутствовали товарищи Г. И. Воронов, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, П. Е. Шелест, Ю. В. Андропов, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, В. И. Долгих, И. В. Капитонов.

В зале присутствовал также секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе.

Вручая высокую награду, товарищ Л. И. Брежнев от имени всех присутствующих и от себя лично сердечно поздравил Н. В. Подгорного и сказал:

«Все мы желаем тебе, дорогой наш друг, долгих лет плодотворного труда, всегда такой же, как теперь, энергии и крепкого здоровья. Больших тебе успехов в работе на благо нашей партии и советского народа, во имя торжества коммунизма!»

С ответным словом выступил товарищ Н. В. Подгорный.

Выступления товарищей Л. И. Брежнева и Н. В. Подгорного были встречены аплодисментами.

работу к проведению обмена партийных документов, ЦК КПСС разрешил ЦК компартий союзных республик, крайкомам, обкомам партии, Главному политуправлению Советской Армии и Военно-Морского Флота, политуправлениям пограничных и внутренних войск начать обмен партдокументов с 1 марта 1973 года.

При этом признано целесообразным работу по проведению обмена партдокументов развертывать постепенно, не допуская поспешности.

4

5

6

НАШ ВЗГЛЯД

БОЛЕЗНЬ НЕИЗЛЕЧИМА

Владимир НИКОЛАЕВ

Несколько сот человек беспокойно и безостановочно суетятся в огромном зале. Но в этом, казалось бы, беспорядочном хаосе и гомоне есть своя железная (или, если хотите, золотая) логика. Эти люди заняты самой наисерьезнейшей, с их точки зрения, работой: они делают деньги, причем не какие-нибудь там обыкновенные денежные знаки, а доллары. Да, те самые доллары, которые обращаются на биржах наравне с самим золотом!

Таким озабоченным людским муравейником предстала перед моими глазами нью-йоркская биржа несколько лет назад.

А всего несколько дней назад за границей я снова видел толпы американцев, тоже одержимых мыслями о долларе. Но на сей раз мыслили они в направлении, прямо противоположном. Тысячи американских туристов осаждали банковские кассы, пытаясь избавиться от своих же долларов, обменять их на любую «твердую валюту». Но их попытки были тщетными. Валютно-финансовые рынки были закрыты. Капиталистический мир затрясся в новом приступе кризисной лихорадки.

Снова дала о себе знать старая, неизлечимая болезнь. Статистика сообщает, что за период с 1949 по 1971 год девальвации, то есть снижение курса валют по отношению к золоту как основной расчетной единице, проводились в капиталистических странах не менее чем 400 раз. Но американский доллар все эти годы благополучно выдерживал валютные встряски и, как правило, жирел на чужих невзгодах.

В декабре 1971 года впервые за весь период после второй мировой войны зазвонил колокол и по доллару. А 12 февраля этого года правительство США еще раз, вторично, девальвировало доллар. Таким образом, за последние четырнадцать месяцев курс его официально понижен на 17,1 процента, а это значит, что доллар потерял почти одну пятую часть своего веса.

Из всех хронических недугов капиталистического мира именно валютная лихорадка свидетельствует о глубоком параличе его центральной нервной системы. Скрываемые до поры до времени уродливые гримасы капитализма каждый раз отчетливо отражаются в зеркале очередного валютного кризиса, непримиримые противоречия, раздирающие недра капиталистического мирового хозяйства, наглядно обнажаются, словно внутренние органы при показательной хирургической операции.

Сообщая о решении Соединенных Штатов девальвировать доллар, министр финансов США Шульц признал, что интересы США и их торговых партнеров пришли в резкое столкновение. Вслед за этим президент Никсон заявил, что девальвация, предпринятая американским правительством, является «временным решением», за которым «должно последовать законодательство в области торговли». Это законодательство, развил свою мысль президент, должно будет «заставить другие страны отказаться от дискриминационной политики» в торговых отношениях с США.

Как до конца расшифровывается эта и без того вполне определенно высказанная мысль? Да так, что девальвация доллара и планируемое законодательство направлены против торговых партнеров США и являются продолжением политики односторонних мер для защиты экономических интересов США. Эта политика уже привела к резкому обострению отношений доллара со своими партнерами-конкурентами. Разразившийся валютный кризис — новое тому доказательство.

В результате девальвации доллара американские промышленные и торговые круги рассчитывают резко увеличить объем экспорта США и одновременно ограничить проникновение на американские рынки западноевропейских и японских товаров. С другой стороны, теперь возможно еще более широкое проникновение Японии на европейские рынки. Курс иены по отношению к доллару повышается, что сокращает конкурентоспособность японских товаров в США, поэтому они в еще большем количестве могут пойти в Европу.

Итак, налицо столкновение между главными конкурирующими группировками: США — Западная Европа — Япония. «Европейцы не проиграли валютную войну, но что будет во время начинающейся торговой войны?» — спрашивает французская газета «Насьон». Прислушайтесь к употребляемой терминологии: «валютная война», «торговая война»... Борьба за прибыли не на жизнь, а на смерть! Волчий закон капитализма.

В этой борьбе пострадал теперь и доллар. Его девальвации предшествовало немало примечательных событий. Во-первых, год за годом уменьшались золотые резервы США. Одновременно с этим процессом ввоз в США различной продукции из других стран заметно возрос, и Соединенные Штаты стали меньше зарабатывать на своей внешней торговле. Превышение расходов над доходами во внешней торговле США за 1972 год составляет сумму, небывалую в истории страны,— 6,4 миллиарда долларов. И, наконец, агрессия во Вьетнаме легла тяжелым бременем на государственную казну США.

Теперь девальвацией пытаются отстоять позиции доллара. Эта спасательная операция, по официальным оценкам, обойдется американским налогоплательщикам в два миллиарда долларов. Отзовется эта акция и в других концах капиталистического мира. Например, сейчас японские товары вздорожали в США почти на 30 процентов, и спрос на них, естественно, снизился. Японии грозит спад производства, а отсюда — ухудшение жизни трудящихся масс.

Трудно предвидеть все последствия этих валютных потрясений, но совершенно ясно одно: налицо процесс эскалации торгово-финансовой войны, процесс дальнейшего обострения внутренних противоречий капитализма. Новая девальвация американского доллара со всей очевидностью иллюстрирует глубину кризиса, который потрясает капитализм в мировом масштабе.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

СИБИРСКИЙ ГЕНЕРАЛ

Генерал Белобородов... Это имя не раз отмечалось в приказах Верховного Главнокомандующего. В самое тревожное время, накануне второго «генерального» наступления гитлеровцев на Москву, привел с Дальнего Востока свои сибирские полки А. П. Белобородов. Попеременно четыре фашистские дивизии — СС «Райх», 10-я танковая, 252-я и 87-я пехотные — пытались сломить сопротивление сибиряков, но так успеха и не добились.

Впоследствии, оценивая огромную роль 9-й гвардейской дивизии Белобородова в битве под Москвой, бывший командующий 16-й армией, Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский отмечал:

«Трудно даже сказать, насколько своевременно сибиряки влились в ряды наших войск! Если под Волоколамском великую роль сыграла дивизия генерал-майора Ивана Васильевича Панфилова, то в ноябре не менее значительный вклад в решающие бои за Москву внесла дивизия полковника Афанасия Павлантьевича Белобородова».

Летом 1942 года во время Сталинградской битвы 9-я гвардейская в составе 38-й армии генерала К. С. Москаленко участвовала в тяжелых оборонительных боях под Харьковом и в излучине Дона, у города Купянска, в степях под Ростовом... Гвардейцы и комдив Белобородов и здесь проявили высокое воинское мастерство, непоколебимую стойкость и отвагу.

Но истинным призванием Афанасия Павлантьевича была не оборона, а наступление.

Командуя 5-м, а затем 2-м стрелковым корпусами, генерал Белобородов участвовал в ряде крупных наступательных операций. Его части освободили в январе 1943 года город Великие Луки. Успешно действовали они на подступах к Духовщине. Еще ярче искусство вождения войск генерал Белобородов проявил, когда возглавил 43-ю армию. В составе ударной группировки 1-го Прибалтийского фронта войска армии в июне 1944 года успешно прорвали сильно укрепленную, глубоко эшелонированную оборону и с ходу форсировали Западную Двину. Особенно отличилась 43-я армия в окружении и уничтожении витебской группировки врага, состоявшей из 5 отборных дивизий.

За успешное проведение этой операции генералу Белобородову было присвоено звание Героя Советского Союза. Вторая Золотая Звезда Героя ему была вручена за овладение городом-крепостью Кенигсбергом.

Война с Японией. И здесь отличился генерал Белобородов. Он столь скрытно провел свою армию сквозь вековую тайгу и горные хребты, что противостоящий ему враг не смог оказать сопротивление и капитулировал.

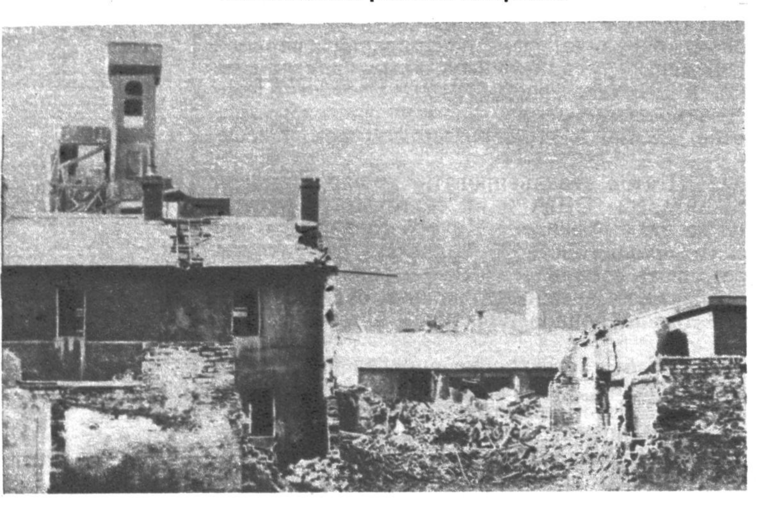
После войны Афанасий Павлантьевич командовал советскими войсками в Порт-Артуре, войсками Воронежского военного округа, I высшими офицерскими курсами «Выстрел», являлся начальником Главного управления боевой подготовки Сухопутных войск, начальником Главного управления кадров Министерства обороны СССР. С 1963 по 1968 год генерал армии Белобородов командовал войсками столичного военного округа. Многие высшие награды Родины украшают грудь военачальника. 31 января Афанасию Павлантьевичу исполнилось 70 лет.

Дважды Герой Советского Союза генерал армии А. П. Белобородов вот уже полвека находится в боевом строю. Ныне он занимает пост военного инспектора — советника Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

Ф. АНАТОЛЬЕВ

Сегодня в Ольстере

В последние недели обстановка в Северной Ирландии еще больше накалилась. При попустительстве и поощрении английских оккупационных войск вооруженные банды ольстерской реакции учинили погромы в пролетарских католических районах Белфаста.

Горели жилые дома, школы, магазины, церкви. Распоясавшиеся штурмовики не щадили ни женщин, ни детей, избивая всех, кто попадался им под руку. Они швыряли бутылки с горючей смесью в квартиры, стреляли по окнам. Словно по заранее отрепетированному сценарию, на «место происшествия» после того, как погром уже подходил к концу, прибыли английские войска. Под предлогом поиска бойцов нелегальной Ирландской республиканской армии они продолжали стрельбу, начатую правыми экстремистами.

Десять убитых, двадцать два раненых мирных жителя — таков итог кровавых событий в североирландской столице только за 3 и 4 февраля.

Вскоре произошла новая вспышка насилия. Список жертв ни в чем не повинных жителей пополнился пятью убитыми и двадцатью ранеными.

С тех пор, как в августе 1969 года на усмирение непокорного Ольстера были брошены британские войска, я дважды бывал в Белфасте и собственными глазами видел, что присутствие вооруженных до зубов английских «томми» отнюдь не способствовало безопасности жителей этого большого города.

Главная цель ольстерских штурмовиков — запугать и расколоть прогрессивные силы, выступающие за коренные социально-экономические перемены, за демократизацию политической жизни, за ликвидацию унизительной дискриминации угнетенного католического населения.

Вдохновителем и руководителем этой кампании устрашения является юнионистская партия, безраздельно правившая Ольстером в течение полувека после раздела Ирландии британским империализмом в 1921 году. Выражающая интересы местной буржуазии, богатых землевладельцев и верхушки протестантской церкви, тесно связанная с английскими монополиями, эта партия, по существу, не что иное, как филиал британских тори на ирландской земле. Вот почему нынешнее английское правительство постоянно с нею заигрывает, увещевает и обхаживает ее даже после того, как год назад было вынуждено распустить на двенадцать месяцев стормонт (местный парламент) и правительство юнионистов за неспособность контролировать создавшуюся в Ольстере обстановку.

В марте 1973 года обещанный срок прямого правления Лондона истекает, и юнионисты, проявляя нетерпение, напоминают о себе английским тори. Именно этим можно объяснить активизацию их военизированных организаций.

Ольстерская проблема уже давно переросла в международную проблему, как бы это ни пытались отрицать английские правящие круги. Она затрагивает интересы соседней Ирландской Республики, болью отдается в сердцах всех честных людей земного шара. С августа 1969 года в Северной Ирландии погибло свыше 700 человек, тысячи людей были ранены, уничтожены сотни домов.

Три с половиной года военной оккупации Ольстера — достаточный срок, чтобы сделать вывод: североирландскую проблему нельзя решить с помощью броневиков и вертолетов. Обстановка настоятельно требует со стороны Англии решений политического и экономического характера, базирующихся не на союзе с ольстерскими черносотенцами, а на реалистическом учете законных требований прогрессивных сил Северной Ирландии.

Юрий ЯСНЕВ

Фото автора.

КНИГА О ЗАМЕЧАТЕЛЬНОМ БАТАЛИСТЕ

Почетное место в советском изобразительном искусстве занимает творчество талантливого художника-баталиста П. А. Кривоногова (1911—1967). Оно посвящено великому героическому подвигу Советской Армии в Великой Отечественной войне, глубоко и правдиво отражает многие знаменательные эпизоды гигантской четырехлетней битвы советского народа за свободу и независимость Родины. Впечатляющие полотна П. А. Кривоногова («Защитники Брестской крепости», «Советская конница в боях под Москвой», «На Курской дуге», «Корсунь-Шевченковское побоище», «Победа») пользуются огромной популярностью у миллионов зрителей, воспитывая народ в духе советского патриотизма. Они стали наряду с картинами М. Б. Грекова, посвященными героике гражданской войны, своего рода классическими произведениями советской батальной живописи. В них воплощены многие важнейшие черты искусства социалистического реализма.

Несмотря на значительное место, принадлежащее творчеству П. А. Кривоногова в советской батальной живописи, литература о нем до последнего времени была крайне бедна и ограничивалась всего лишь двумя-тремя брошюрами.

Поэтому весьма желанной и нужной является небольшая книга-альбом кандидата исторических наук генерал-майора Е. И. Востокова «Петр Кривоногов» [1].

В живом, ярком биографическом очерке, насыщенном фактами, богатом сопоставлениями произведений изобразительного искусства, поэзии и кинематографии, автор показывает, как формировался духовный облик и художнический талант Петра Кривоногова, крестьянского сына, бывшего беспризорника, а затем студента Всероссийской Академии художеств, деятельного участника Студии военных художников имени М. Б. Грекова.

Е. И. Востоков рассказывает, как мужал и закалялся характер Кривоногова — участника Отечественной войны, побывавшего на ряде фронтов, как рождалась в нем жгучая ненависть к врагу, принесшему неисчислимые страдания и несчастья нашему народу.

Анализируя картины художника, автор раскрывает и особенности его творческого метода. Он показывает, как упорно и настойчиво изучал Кривоногов жизнь, подвижнически собирал этюдный материал и на его основе создавал большие композиции. В любой картине Кривоногова обнаруживается доскональное знание военного быта. Но вместе с тем в каждой его картине выделено главное и отброшено случайное, нетипичное.

Автор справедливо подчеркивает, что Кривоногов в своем творчестве являлся наследником и продолжателем традиций И. Е. Репина, В. И. Сурикова и особенно В. В. Верещагина. Вместе с тем Кривоногову, вооруженному знанием законов общественного развития и принципами коммунистической партийности, пришлось изображать войну в новых исторических условиях, показать облик современной войны. Он должен был раскрыть в своих произведениях особенности социалистической армии, армии массового героизма, раскрыть психологию советского воина. Одним словом, ему пришлось решать новые, сложные задачи батального искусства в новой обстановке, и он их достойно решил. Кривоногов рассматривается и как продолжатель традиций М. Б. Грекова.

В книге подчеркивается мастерство Кривоногова — рисовальщика, тонкого колориста, оригинального композитора, умелого режиссера массовых сцен современного боя, передающего динамику яростных схваток, а главное, психолога, раскрывающего внутренний мир советского воина-патриота.

Некоторые картины Кривоногова автор справедливо отмечает как подлинно выдающиеся и уникальные по своему художественно-историческому значению. Так, его полотно, запечатлевшее Курскую битву, с полным правом названо в книге первым и непревзойденным до сих пор отражением в изобразительном искусстве великого, исторического сражения.

В книге отмечается, что творчество Кривоногова сильно не только мастерством передачи батальных сцен, но и показом положительных образов, образов советских воинов. Перед зрителем предстают смелые, мужественные люди, готовые на подвиг и совершающие его повседневно.

Рецензируемая книга-альбом ценна не только умным и тонким анализом творчества Кривоногова. Репродукции удачно выбранных картин и рисунков Кривоногова отличаются высоким качеством исполнения. Некоторые из них почти факсимильны. Издана книга-альбом изящно, оформлена со вкусом и, несомненно, с интересом будет прочитана любителями изобразительного искусства.

А. ЛЕБЕДЕВ

[1] Евгений Востоков «Петр Кривоногов». М., «Советский художник», 1972.

К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГЕНЕРАЛА Л. М. ДОВАТОРА

ГЕРОЙ КАЗАЧЬИХ РЕЙДОВ

Генерал-майор Л. М. Доватор.

Казаки считали своего генерала казаком. Еще бы! С конем управляется так, будто с младенчества в седле, лихо клинком рубит. Стреляет без промаха. А уж о смелости и отваге говорить нечего. Словом — по всем статьям казак!

Потому-то, когда осенью тяжкого сорок первого командир 3-го кавалерийского корпуса генерал-майор Лев Михайлович Доватор обратился с письмом к казачьим станицам и попросил прислать ему на фронт пятьсот казаков-добровольцев, — тысячи откликнулись на призыв...

Но друзья и товарищи генерала Доватора знали, что родился он на Витебщине, в селе Хотино, в крестьянской семье, что накануне революции был рабочим витебской льнопрядильной фабрики «Двина», что он один из первых белорусских комсомольцев и еще в восемнадцатом вместе с товарищами по комсомольской ячейке помогал разъяснять первые декреты Советской власти, защищал права бедняков, боролся с кулаками.

Все это было в юности.

С 1924 года Доватор в Красной Армии, в 1926-м окончил кавалерийское училище, в 1939-м — военную академию имени Фрунзе... Твердая воля, непреклонная решимость военачальника удивительно сочетались в нем с мягкостью и доброжелательностью к друзьям и подчиненным, которым он всегда и во всем был готов помочь.

И вот грянула война.

Коммунист полковник Доватор с первых же дней на самых трудных участках фронта. В августе сорок первого по приказу Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко он обеспечил организацию и оборону знаменитой Соловьевской переправы через Днепр, по которой войска Западного фронта переправлялись на левый берег. Гитлеровцы прилагали все усилия, чтоб захватить переправу, прижать наши войска к правобережной днепровской круче и уничтожить их. Над рекой висела вражеская авиация. Справа и слева сплошным лесом поднимались всплески от разрывов бомб, мин и снарядов. Одна за другой на защитников переправы накатывались танковые атаки. И разбивались о непреклонную стойкость защитников во главе с Доватором. В этих боях Лев Михайлович подбил вражеский танк гранатой.

В конце августа кавгруппа Доватора в составе двух кавалерийских дивизий — 53-й ставропольской под командованием К. С. Мельника и 50-й кубанской под командованием И. А. Плиева — прорвала фронт и предприняла десятидневный рейд по вражеским тылам, а в районе Смоленск — Ярцево — Духовщина, действуя на немалом — до ста километров! — удалении от фронта. Казаки Доватора, которым помогали смоленские партизаны, устраивали засады в лесах, у большаков и шоссе и атаковали не ожидавшего нападения врага в конном строю. Вражеские солдаты не успевали схватиться за автоматы и винтовки, изготовить к бою пулеметы, как казачья лава, выметнувшаяся с ближней лесной опушки, блестя клинками, обрушивалась на них. Падали порубанные гитлеровцы, вспыхивали подбитые гранатами и подожженные бутылками с горючей смесью танки с черно-белыми крестами на броне — и конница исчезала, растворяясь в зеленом лесном море...

После этого рейда Доватору было присвоено воинское звание генерал-майора.

Но более всего память народная хранит подвиги, совершенные генералом и его казаками в сражении под Москвой. Здесь к его кавгруппе присоединилась двадцатая дивизия полковника Тавлиева, и группа стала третьим кавалерийским корпусом, который 27 ноября 1941 года за мужество и героизм в оборонительных боях Ставка преобразовала во 2-й гвардейский кавалерийский. Через несколько дней Советская Армия, измотав и обескровив врага в оборонительных боях, перешла в решительное контрнаступление, повернула гитлеровцев вспять, погнала их от столицы.

Корпус Доватора — на острие прорыва советских войск. Вместе со своими казаками генерал перехватывает и уничтожает отступающие гитлеровские соединения, лихими и нежданными ударами заставляет их бросать технику и вооружение.

Командующий Западным фронтом генерал Г. К. Жуков приказал командующему 5-й армией генералу Л. А. Говорову перехватить большак, ведущий к Рузе, по которому отступал враг. Эта задача была возложена на кавкорпус Доватора.

И вот развернулись казачьи полки. Затрепетало на ветру знамя. Жаркое «Ура!» эхом прокатилось по лесным опушкам.

Но все злее и злее бьют гитлеровские пулеметы... И никак не удается казакам добраться до большака. Комкор оторвал бинокль от глаз и тронул своего верного Казбека. Он мчал в самую гущу боя, к казачьей цепи. Он хотел сам вести бойцов в атаку. Горячий конь вынес Доватора на лед и вдруг поскользнулся. Генерал спрыгнул и побежал вперед. Враги заметили серую бекешу на заснеженном береговом склоне, догадались, что перед ними военачальник... Хлестнула пулеметная очередь, и... Доватора не стало.

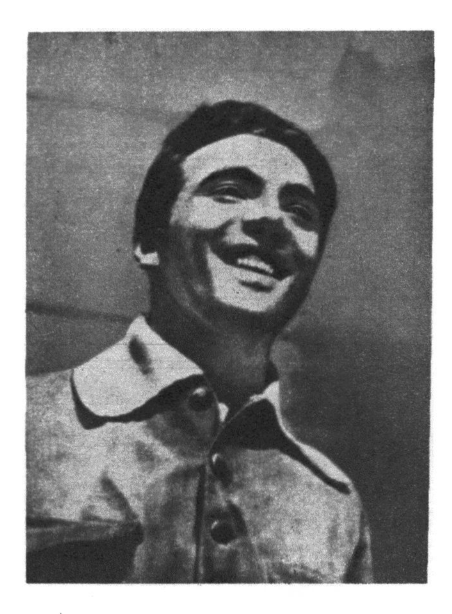
Это было 19 декабря 1941 года у деревни Палашкино, на берегу Рузы, в два часа пополудни... А ныне стоит здесь памятник Льву Михайловичу Доватору, генералу, коммунисту, Герою Советского Союза.

В. ПАВЛОВ

Корпус Доватора в атаке.

Фото М. САВИНА.

НОЧЬ В СЕНТЯБРЕ

23 февраля Юлиусу Фучику исполнилось бы 70 лет. Он прожил героическую и яркую жизнь. Страницы этой жизни оживают в книге, которую написала председатель Чехословацкого совета женщин Густа Фучикова.

— Мне хотелось рассказать о жизни Юлиуса Фучика, начиная с детских лет и до последнего часа, показать, как складывался его характер и каким был путь Юлиуса к коммунистическим идеям,— сказала Густа Фучикова корреспонденту «Огонька» Н. Цветковой во время встречи в Праге. Для осуществления этих планов бесценными оказались пять тетрадей (а это 550 страниц), в которых Фучик вел записи о событиях, его волновавших.

Мы публикуем отрывок из книги Густы Фучиковой.

Запись Юли из его дневника от 21 сентября 1938 года

...Звонит Гонза (Ян Шверма.— **Г. Ф.**). «Все правда. Капитулировали».

Первое ощущение: страшная горечь. Будто миг смерти.

Но это проходит, растет стремление действовать и как можно быстрее. Меня шатает от усталости. Начиная с минувшего понедельника я спал не больше двух часов в день.

Мы обращаемся к заводам. Заводы шлют свои делегации правительству, президенту, генштабу. Им отвечают, что еще «ничего не решено».

В три часа дня в ЦК приходит дочь доктора Прейса: «Предотвратите трагедию. Отец собирается предать родину. Они сейчас заседают в штаб-квартире: отец, Беран, Черны и другие. Говорят о перевороте. Они хотят арестовать президента и объявить Прагу на военном положении. Если же начнутся беспорядки, они обратятся к Гитлеру. Помешайте измене!»

Она истеричка, явно ненормальна, ей нельзя целиком доверять. Но можно проверить ее слова. Ап и Петр это делают.

Политбюро заседает без перерыва. Правительство же составляет текст заявления, в котором народу будет сообщено о капитуляции. Мы получаем первое сообщение о том, как оно будет звучать. Это похороны. Убогая, погребальная речь. Похороны по пятому разряду.

На улицах звучат громкоговорители. Люди останавливаются. Многие плачут. Трамваи стоят. Перед Национальным театром бросается на колени какая-то женщина, и вся толпа вдруг тоже становится на колени.

Отчаяние. И вдруг раздаются возгласы: «Предали! Они предали нас! Так будем же защищаться сами!»

Выкрики разносятся по всем улицам. Наверху, на Вацлавской площади, образовывается первая демонстрация: «На Град! На правительство!» Уже полпятого. Конец демонстрации теряется в улице 28 октября. Перед памятником Святого Вацлава организуется новая демонстрация. Это еще в основном чиновники и торговцы. Рабочие появятся лишь в шестом часу. Они пойдут по Народной к парламенту и через Манесов мост к Граду. Традиционная остановка, как во время крестного хода, у Национального театра, перед парламентом. Звучит гимн. Руки вознесены над головами. Кулаки стиснуты, словно приносят присягу.

Семь часов. Демонстрации по всей Праге. Реакция тоже действует. Ее главный лозунг: «Во всем виноват Бенеш (Бенешу верят люди, поэтому реакция хотела бы расшатать это доверие). Советский Союз нас предал».

Все мы идем на улицы. Мы начинаем задавать тон. Полиция везде уступает без сопротивления, кроме улиц, ведущих ко Граду. И даже присоединяется к демонстрантам.

В семь часов выходит «Пражский лист» Стршбрного в траурной рамке: «Мы совершенно одни». В нем распространяется слух о предательстве Советского Союза. Страшное уныние на улицах. Я возвращаюсь в редакцию и пишу первую листовку, подписанную «Коммунисты».

Листовка гласит: «Граждане республики! Чехословацкая реакция хочет сломить волю граждан ЧСР защищать неприкосновенность чехословацких границ. Лживыми сообщениями о том, что мы всеми преданы, аграрный «Вечер» и газеты Стршбрного распространяют среди людей панику. Они хотят сломить вашу отвагу ложью, будто нас покинул и предал даже Советский Союз.

Но это наиподлейшая ложь, выдуманная в решающую минуту, чтобы ослабить и разложить нас.

Согласно самым достоверным сведениям, Советский Союз полон решимости оказать Чехословакии помощь в любом случае и в любой час, если мы подвергнемся нападению.

На два вопроса чехословацкого правительства дважды отвечал Советский Союз: «Да, да, само собой разумеется, поможем». Поможем, согласно договору, если и Франция окажет помощь, поможем и как член Лиги Наций, если Франция вначале заколеблется.

Мы немедленно окажем вам помощь в любой ситуации, если вы сами будете защищаться!

Граждане Чехословакии! Не смейте проявлять колебания. Всем маловерным везде передавайте эти слова, всем, всем, всем говорите:

Будьте уверены, защищайте свою страну, Советский Союз непоколебимо стоит вместе с нами!»

Типография тут же отпечатала листовку Юли, и вскоре она уже распространялась в Праге.

Дневник Юли продолжается:

«Я снова на улицах. Профессор Неедлы, с непокрытой седой головой, выступает На Пршикопе перед народом. Позднее он говорит со ступеней парламента. Везде вижу большое стечение людей. Мы обращаемся ко всем. Разъясняем предательство аграрников и правду о советской помощи...

К полуночи демонстрации ослабевают, но около ста тысяч человек до самого утра остаются на улицах. Причем нигде не было высажено ни одной оконной рамы...»

Я сравниваю действия и размышления Юли с маневрами и расчетами чехословацкого буржуазного правительства. Они диаметрально противоположны! Так же, как политика коммунистической партии и политика буржуазии. Коммунисты призывали защищать независимость страны, ориентировались на союз с Советским Союзом, а буржуазия проводила политику уступок Гитлеру, направленную против союза с СССР.

Вечером 23 сентября 1938 года мы в редакции «Руде право» вместе с редакцией «Последних галло» ожидали новых, более радостных сообщений, хотя с опасениями и говорили о критической ситуации. Около 22 часов служитель принес неподтвержденное известие о мобилизации, которую должны были объявить по радио. В помещении будто вспыхнула искра надежды: наше правительство все же не уступает, будем обороняться.

И когда действительно раздались первые слова заявления о мобилизации, мы почувствовали облегчение! Мы не уступим, будем защищаться!

Затем из приемника раздались бодрые марши, в редакции люди стали прощаться друг с другом. Из пражской редакции «Руде право» уходило семь человек, Юля в их числе.

До Дейвиц домой мы с Юлей шли пешком, хотели посмотреть на Прагу в ночь, когда объявлена мобилизация. Какое удовлетворение испытывал Юля! Раньше его очень угнетала мысль о том, что народ без сопротивления подчинится фашистскому диктату. Народ, имеющий прекрасно вооруженную армию, с высоким боевым духом — и чтобы он послушно отдал фашистской Германии целый кусок своей земли? Разве можно представить, чтобы ктонибудь дал врагу отсечь руки и ноги да еще благодарил бы, что не отрезали голову, сказал мне Юля. Он продолжал говорить с воодушевлением. Я не могу привести его слова с точностью до буковки, но смысл сказанного в ту ночь, когда у нас вспыхнула большая надежда, глубоко врезался в память: отдать без боя нашу страну — это все равно, что предать родную мать, над которой нависла смертельная опасность. Может, многие из нас и погибнут, но наш народ навсегда войдет в историю человечества как народ, не склонившийся перед фашистами, говорил Юля.

(Только позднее мы узнали, что Гитлер не успокоился на годесбергских условиях, а требовал дальнейших территориальных приобретений.)

По дороге мы встречали людей, спешащих домой, чтобы поцеловать жену и детей и, захватив солдатский сундучок, который почти у каждого был приготовлен, бежать к приписному пункту. Свет на пражских улицах был погашен. Ожидался налет гитлеровской авиации. Но хотя ночь и была темна, она вся светилась мужеством.

Перевод с чешского Я. Куниной, В. Суханова.

Жан Батист Перронно. 1715—1783. МАЛЬЧИК С КНИГОЙ. 1740-е гг.

Государственный Эрмитаж.

И. Вишняков. 1699—1761. ПОРТРЕТ САРРЫ ЭЛЕОНОРЫ ФЕРМОР. 1750. Государственный Русский музей.

О БЕЖКИХ ЛЮДЯХ И ЧУВСТВЕ ПОСТОЯНСТВА

Ия МЕСХИ

Поговорим о текучести. Это, как известно, свойство вещества, при котором оно в состоянии литься потоком, струей или еще както. Текучий по Далю — жидкий, бежкий, плывучий. «Текучка заела!..» — так мы говорим, когда несемся безоглядно, не дав себе остановиться и подумать. Текучесть кадров тоже поток: поток людей, вступающих в какое-то общее трудовое дело и выходящих из него, покидающих его. Процесс в общем-то естественный, жизненный, если он протекает в здоровых рамках. А если выходит за рамки допустимых норм, то общее трудовое дело от этого страдает. Страдают, наверно, и «жидкие, бежкие, плывучие» люди. Не наверно, а, пожалуй, наверняка.

Все это я узнаю позже. А сначала иду на Ереванский ордена Трудового Красного Знамени электроламповый завод. Передовое, культурное предприятие то и дело завоевывает во Всесоюзном соревновании классные места, дипломы, юбилейные памятные знамена и почетные знаки. Посудите сами: объем товарной продукции здесь за последние шесть лет вырос более чем в три раза, причем 80 процентов этого роста достигнуты за счет повышения производительности труда. Завод стал за эти годы главой объединения «Армэлектросвет». Если обратиться к вопросам качества, то и здесь все на высоком уровне: из 36 наименований продукции, которую выпускает завод, 34 присуждена высшая группа качества. Словом, работают здесь инициативные люди, добивающиеся неизменного успеха в социалистическом соревновании с подобными себе современными предприятиями.

И вообще красивый завод! Посмотришь с улицы — никогда не скажешь, что промышленное предприятие: чисто, опрятно, розово. Последнее — от розового туфа, которым облицованы заводские корпуса. Но и в цехах чисто, опрятно, светло. Еще бы: сами же создают источники света!..

В Ереване, который не так давно еле-еле освещался, теперь производится 570 ламп в минуту. Здесь создана такая фарная лампа, на которой электротехнической комиссией ООН дано право ставить букву «Е» — «Европейский луч». Вот «КамАЗы» скоро заколесят по стране, а фарные лампы к ним разрабатываются в СКБ ереванского завода. Заводские конструкторы — светлые головы! — предложили мощнейшую натриевую лампу с золотистым солнечным спектром. Завод намерен — таковы его обязательства на 1973 год — давать их больше и больше, делать их все лучше и лучше, и чтоб были они еще дешевле, и чтоб служили еще дольше. Все ли резервы тут использованы?

...Вот передо мной составленный заводским отделом научной организации труда — НОТ — анализ текучести рабочих кадров на этом предприятии. 42,2 процента уволилось с завода за один год. Почти столько же было принято. Это, конечно, очень много, чрезмерно много! Это люди, которые оторвали других людей от важных дел, чтоб обучиться, которые перепортили немало продукции, потому что это неизбежно на первых порах... Покрутившись на заводе год-два, они бросили его. А во сколько заводу обходится каждый такой человек, экономисты уже подсчитали: 450—500 рублей на ветер...

В одном заводском документе я прочла следующее: «За пять последних лет внедрено 1 820 рационализаторских предложений с экономическим эффектом в 2 миллиона рублей». Значит, рационализаторы ереванского лампового дарят заводу по 400 тысяч рублей ежегодно. А в исследовании, проведенном НОТ, записано: «Только за полугодие по причине текучести завод терпит убыток в сумме 200 тысяч рублей». Двести умножьте на два, и выходит, что за тот же самый год бегуны отбирают у завода 400 тысяч рублей, то есть столько же, сколько накапливают рационализаторы!

Что же должны испытывать кадровые рабочие, денно и нощно пекущиеся о благе завода, каково им смотреть на тех, кто сводит их усилия на нет?

Основная масса увольняющихся — молодежь до 25 лет. Мотивы увольнений: решил учиться, готовиться в вуз. Что же тут плохого? Похвальное желание! Уезжает из Еревана. Тоже не удержишь — дело вольное. Положение предельно ясное. Но далее идет такое. Заходит человек в заводской отдел научной организации труда:

— Мне не дают увольнительную, пока у вас не побывал. Что это за новость?

— Уж вы извините нас за беспокойство, а нам необходимо с вами побеседовать. Присаживайтесь. Вот вам анкета. Заполните, пожалуйста. Фамилию можете не указывать, если вам этого не хочется.

И вот анкета: год, возраст, образование, профессия, должность, цех, в котором работал, и множество других «мелких» вопросов. А главный вопрос: почему покидаешь завод? Невольно завязывается разговор. Да, важно узнать правду: почему бросаешь завод? Причина!... Один пишет: «Зарплата не устраивает». Другой: «Живу далеко от завода, трудно ездить». Третий: «Обещают квартиру и не дают». Четвертый: «Не нравится работа, неинтересно...» Пятый: «Мастер мне нагрубил, и я с ним не желаю работать». Шестой: «Начальник не отпустил с работы, а мне надо было уйти, и он записал прогул». Седьмой: «Не дают разряд, сколько времени в учениках хожу!» И таких 45 процентов от общего числа всех увольняющихся. Но бывает, человек пишет в анкете: «Поступаю в вуз» или «Уезжаю из города». Пишет, чтоб отвязаться. И это всегда чувствуется. И поэтому дотошные сотрудники НОТ не отвязываются, допытываются до причины. А в результате такие строки в анализе: «Мотивы «выезд из города», «учеба» косвенно выражают неудовлетворенность условиями труда, работой, зарплатой». Или такие строки: «Опрос выявил случаи откровенно равнодушного отношения цехового руководства в вопросах своевременного принятия экзаменов и присвоения квалификационных разрядов молодым рабочим».

Пухлые папки анкет. За ними жизнь со всеми ее сложностями, характеры, ситуации, просчеты... НОТ Ереванского электролампового проделал эту громадную, кропотливую работу не напрасно. Именно сейчас, когда жизнь потребовала от завода увеличивать выпуск своей продукции только за счет повышения производительности труда и использования всех внутренних резервов, эти исследования НОТ очень и очень пригодились. Они прежде всего ошеломили людей своими неожиданно большими цифрами потерь и утрат — как материальных, так и моральных. Ибо что значит текучка кадров для завода? Это прежде всего слабость его партийных и общественных организаций, неумение создать в коллективе такую атмосферу, при которой людской поток, проносящийся через заводские цеха со скоростью горной реки, был бы значительно сокращен. Это прежде всего беспорядок в рабочем молодежном общежитии, нехватка жилого фонда, мало мест в заводских детских яслях, пробелы в организации нормирования труда. Все это является сейчас предметом горячего обсуждения на заводских собраниях, в цехах, партгруппах. Почему бы, например, не организовать при заводе группы подготовки в высшие и средние специальные учебные заведения, предлагают одни. Другие предлагают расширить сферу действия общественной комиссии по приему и увольнению рабочих. Такая комиссия должна разбирать каждый случай увольнения с завода, оперативно вмешиваться и, если возможно, предотвращать уход с предприятия ценного работника. Раздаются голоса о том, что многие молодые руководители, инженерно-технические работники совершенно не знакомы с элементарными правилами взаимоотношений начальника с подчиненными, кое-где царят грубость, равнодушие, принципы личных симпатий и антипатий.

А вопрос межцехового социалистического соревнования? Предлагают при подведении его итогов включать и такой показатель, как текучесть кадров. Всю эту бурю мнений, обсуждений, вызванных анализом научной организации труда, я, признаться, застала где-то в самом начале. Рано еще говорить об отдаче, об эффекте — это дело не месяцев и, вероятно, даже не одного года. Но то, что борьба с те-

кучестью кадров на заводе поставлена в повестку дня жизни всего коллектива, свидетельствует о многом. Уже приняты и некоторые практические меры. Комиссия по приему и увольнению рабочих теперь решает судьбу буквально каждого, подающего заявление об уходе. И часто решает так, что этот рабочий переводится на другой участок или в другой цех, оставаясь в заводском коллективе. Комсомол, подхватив сигналы НОТ, взял шефство над заводским общежитием. Наводится порядок в присвоении рабочих разрядов.

Экономисты завода подсчитали, что механизация и автоматизация некоторых производственных процессов позволят высвободить 900 рабочих. Улучшение структуры производства, ликвидация потерь рабочего времени, улучшение нормирования труда дадут эффект в 1 миллион 200 тысяч рублей. Какой эффект даст устойчивое состояние кадров на предприятии, вероятно, не поддается точному подсчету. Но ведь правильное решение этого вопроса, кроме материальной, практической стороны, влечет за собой большой моральный эффект.

И тут хочется поговорить о причинах текучести, лежащих вне завода и не очень зависящих от завода. Наверно, текучесть рабочих кадров — это инфекционное заболевание больших, очень бурно развивающихся городов. (Несть им числа у нас!) Ереван — большой индустриальный город. Люди нужны на стройках, на транспорте, на заводах и фабриках. Рабочих рук не хватает, и соблазна много: там попробовал, здесь покрутился, в третье место подался... Разве только на электроламповом (больно смотреть!) бездействует несколько смонтированных конвейерных линий? Ждут рабочих рук. А некоторые молодые люди и девицы порхают с одного предприятия на другое, думая лишь только о своей собственной персоне, только о себе! Где на трешку больше заплатят, где с тебя меньше требовать будут за качество работы, где не очень сурово отнесутся к твоей склонности выпить, где снисходительно воспримут твои не очень высокие моральные качества,— и ты уже готов оставить коллектив прославленного завода с его прекрасными традициями, завода, где ты начинал свою трудовую жизнь, пользуясь советом и помощью заслуженных мастеров... Общественный интерес у таких людей на десятом плане и нет желания заглянуть вперед, увидеть свой настоящий трудовой капитал, а не временную звонкую монету.

А время идет, и «жидкий, бежкий, плывучий» человек с якобы ищущей натурой становится серым обывателем, мещанином, тогда как его товарищ, отличающийся основательностью, терпением, упорно идущий к цели, давно уже преуспел, богат славными делами и уважаем людьми. Вот об этом иные мало думают смолоду, и мало думают порой и руководители, адресующие самые гневные слова в адрес таких порхающих молодцов: на каких «дрожжах» растут они? Что это — плоды нашей во всех областях неистребимой потребности в людях, в работниках или огрехи воспитательной работы?

— Смотри, какая мне сегодня цена!..— шевелит иной своими куцыми извилинами и спекулирует на этом: чуть не угодили — собрал свои манатки и ушел. И плевать ему на то, что конвейер стоит...

Нет, это не просто — бросать свое дело, оставлять что-то, кого-то. Бывает, конечно, что и приходится, но тогда это драма, серьезная рана. А если с легкостью, с цинизмом?..

В тридцатых годах таких называли летунами и дружно старались пригвоздить их к позорному столбу. Сейчас летун похитрел, он не столь прямолинеен, куда более демагогичен. С ним больше возни. Ну и что же? Значит, нужно повозиться, нужно преградить путь инфекции плывучести и непостоянства. Надо постараться увлечь молодого человека новым делом, открывать ему глаза пошире, ибо нет на свете дел никчемных, неинтересных, скучных... С этого бы конца тоже ополчиться против текучести — с приема на работу, в рабочую семью, чтоб человек сразу смекнул: он вошел не в проходной двор!

А конвейер не должен бездействовать. Идет год третий. Решающий год пятилетки. Это ко многому обязывает.

Валентин СОРОКИН

СЕВЕРН

1

Северные, хмурые просторы,
Заполярья ледяной порог.
Свищут крылья, и ревут моторы
Яростных серебряных дорог.

Вновь с утра сияет, и смеется,
И, как птица
На одной ноге,
Кружится всклокоченное солнце,
Рассыпая перья по тайге.

Где в бореньях, грозных и великих,
Падали и дыбились хребты,
Лиственниц отточенные пики
Вырвались из мрачной мерзлоты.

Трассы,
Трассы,
И рабочим классом
Взломан камень, вышиблен покой:
МАЗы, ЯЗы, с мамонтов — БелАЗы
Медленно проходят над рекой.

И отныне, видимо, навеки,
Звонкогласы, радостны, круты,
Опоясав царственные реки,
К Веге устремляются мосты.

Надолбы и глыбы скал шершавых.
Пойманная злобствует вода.
Родина, поющая держава,
Верная и гордая звезда.

К берегам холодным океана,
Со стихией выдюжив бои,
Твой огонь выносят из тумана
Сыновья и дочери твои.

И за ними — слава им,— за ними
В Грохоте вселенского труда
Деловито называют имя
И встают надежно города:

Чтобы ты железом да бетоном
Утверждала в мире правоту,
Самолет сверкает
и со стоном
Ввинчивает тело в темноту.

Если бы владел я чудесами,
Я бы всем умельцам молодым
Строил бы дворцы под небесами —
С куполом багряно-золотым;

Дабы отвечал я без конфуза
На вопрос, друзей благодаря:
— Здесь живут геологи Союза,
Плотники,
Шоферы,
Слесаря!..

2

Рев турбинный, сопки и овраги,
Фабрики у тундры на груди.
Символом упорства и отваги
Реют реактивные пути.

Охнула и вздрогнула долина
В мае или, скажем, в сентябре.
Тонкое, пронзительное:
— Ни-и-на! —
Промельком скользнуло лебедино
И погасло тихо на заре.

...Фантазер, опять мечту я грею
О весне и счастье — столько лет!
Я не утомлюсь,
Не постарею,
Никогда не смоется мой след.

Он отметит резко перевалы
Судеб настрадавшейся земли.
Если б ты меня поцеловала,
Сразу бы ромашки расцвели.

Кто мы?
Дети позабытых сказок.
Юная, метельная страна.
Зыбь озер, а в ней куском алмаза
Светится якутская луна.

СИНИЙ ВЕТЕР

Тальники трепещут и ликуют,
Теплоход по злющему Вилюю
Медленно плывет, и синий ветер
Плещет флагом.
День высок и светел.

Синие, торжественные дали
И макушки сопок оголенных.
Синева небес, на перевале —
Сонных сосен хоровод зеленый.

Теплоход огромный, серебристый,
Будто весь он мраморный, точеный:
Лесорубы, взрывники, туристы
Или экспедиция ученых?..

Синева на волнах тает быстро,
Синева колышется на плесах.
Теплоход огромный, серебристый,
Молодой и радостноголосый.

Он гудит-ревет, и, замирая,
Всплески шепчут камышам о чем-то.
Палуба синеет, и у края
В синем платье девушка-девчонка.

Волосы над синею водою
Загорелись вспышкой золотою.
Солнышко, пространство, облака.
Синий ветер, синяя река!

БЕЛЫЙ ЖУРАВЛЬ

«...В мире таких редких птиц осталось, как предполагают ученые, около четырехсот пар, но мы надеемся сберечь эту чудесную птицу».
Слова экскурсовода.

Сложное это дело,
Век, твой, увы, не прав,
Северный, нежно-белый,
Мечущийся журавль.

Вон в ледяной пустыне
Свищут стрела и дробь.
Ты вымираешь ныне
Лишь потому, что добр.

Лишь потому, что верил
В святость тундровика.
И сквозь века потерю
Молча несла река.

Зыби озер зовущих,
Грани гранитных гор.
Сколько их,
нагло бьющих
Из-за куста в упор!

ЫЙ БЕРЕГ

Мало вас, мало стало.
Кровь, над землей светясь,
В бусины и в кристаллы
Горько позапеклась.

В Африке и в Европе
Капли под цвет зари,
Так утверждают копи —
Алые изнутри...

* *
*

Метель отплясала, отпела,
В бору понавесив парчи.
Кровать то и дело скрипела —
Не спал Чернышевский в ночи.

Печурка повеяла жаром,
Запахло смолистой сосной.
...Вошел в январе он в хибару,
Ступил же на берег весной.

Внизу, у подножья откосов,
Блестели, лучась, кругляки.
Угрюмились мутные плесы,
Росли по бокам тальники.

Казалось, в серебряной раме
Течет нелюдимка река.
Уже, набухая громами,
В тайгу проползли облака.

Вилюй, величавая сила.
— Сибирь! — Он глубо́ко вздохнул.
Улыбка его осенила,
Впервые пальто распахнул.

На Волгу похоже, мешает
Лишайник...
Да жиже трава!..—
Сидела, как птица большая,
На честных плечах голова.

Трудна до могилы дорога,
Рожденья и гибели связь,
Свирепая крыша острога
За сопкой торчала, дымясь.

Спокойный, очкастый преступник,
Не сбитый продажной игрой.
«Преступник?»
Так, значит, заступник,
Подмога народа, герой!

Россия — цари, манифесты,
Ораторы врут без ума.
И вместо полемик — аресты,
А вместо награды — сума.

Стоял он, прямой, говорящий,
И вдруг, набежав на глаза,
Алмазною каплей горящей
В песчаник упала слеза.

ПЕВИЦА

Маше Трапезниковой.

Стройная и плавная смуглянка,
Дунь — и кудри на лоб упадут.
Слышал, родила тебя славянка
В юрте той, что выстроил якут.

Твой отец знавал ружье да ножик,
Мать одежду штопала, а ты
Выросла веселой, темнокожей,
С горлом соловьиной высоты.

Ну-ка, грянь в речной сибирской сини
О тайге, о снежном далеке,
О моей березовой России
На своем кликучем языке.

Гнуты брови, смолянистый волос,
Но тебя заметно выдает
Звонкострунный, разливанный голос.
Кто поет?
Ока в тебе поет!

Я и сам распахиваю двери
В светлый мир, где краше бытие,
Ты моя горячая потеря,
Боль моя, безумие мое.

Ничего, пожалуй, мне не надо,
Смежу я ресницы — вижу смерть:
Это ты ступаешь по канату,
Справа — бездна,
слева — крутоверть.

Реет вечер, заревой и мятный,
Ты шумишь, как приворот-трава.
И кружат, просты и непонятны,
Тихие и теплые слова.

АВИАДЕДУШКА

В день нашего приезда в Сунтары дедушке, истопнику местного аэровокзала, исполнилось девяносто лет.

— А сколько вам, дедушка, лет?
— Отметил вчера девяносто,
Хоть до ста дожить и не просто,
Однако сомнения нет!

Работаю, уголь ношу
И печи топлю.
И не каюсь,
Что сроду не пью, не грешу
Махоркой, ни с кем не ругаюсь.

Бетоном оделись поля,
Праправнуки уж знамениты,
Как жилами речек земля,
Морщинами щеки извиты.

Подобно буранам седым,
Проносятся годы крутые.
— А все-таки я молодым
Завидую, вы молодые!

МЕДВЕДЬ

Гудел вертолет над тайгою,
Так низко, что видеть я мог:
Болото, и в нем, за кугою,
Полощется утка-нырок.

А дальше — олень иль коряга
У самых обвесистых скал.
А может, медведь-бедолага
Над речкой вальяжно привстал.

Какая, мол, это тетеря
Шумит и грохочет, кружа?
И млела в догадках у зверя
Слепая берложья душа.

Иль вправду, бураном отпетый,
Хитрюга, он выяснил тут:
Летят вдоль оврага поэты
И нагло в него не пальнут.

Я ЧУДО ВИДЕЛ

Холм, как мамонт буреломный,
По лесам пугая птицу,
Порыжелый и огромный,
Вышел к берегу напиться.

В воду бивни погружая,
Наслаждается покоем:
Голова его большая
Чуть качнулась над рекою.

Сколько раз меня обидел
Ветер жизни бесшабашный,
Все равно я чудо видел
На земле своей бесстрашной!

Даже ты, не пропадая
В звездном гуле мирозданья,
Вдруг являлась золотая —
От веселого сиянья.

И туман сползал на ме́ли,
Соловьи тянулись к росам.
И стонали и шумели
Над судьбой моей березы.

Звери умные страдали,
Тяжело брели в низины
Юный гром по-над садами
Тряс железные корзины...

И кружился куст рассветный
По лугам, где крик дергачий.
Разве я умру бесследно,
Коль душа звенит и плачет?

ЛЕС ГРЕМИТ

В полдень небо звонкое, сквозное,
Ну, а в полночь — высота и лунность
Поле от клубящегося зноя,
Словно перепелка, задохнулось.

Лес гремит листвой пороховою —
Это солнце из-за перевала
Утром шло и пламя горевое
На березы шумные плескало.

Грезит луг весною молодою.
И твое доверчивое тело
Вместе с головою удалою
На родной земле позолотело.

Замолчали совы дикошаро.
Пахнет ветер, пролетевший к дому,
Перьями палеными, и жаром,
И тоской бессмертья по живому.

КЛЕНЫ ПЫЛАЮТ

Ветер крылами разбросил
Мокрых туманов завесу.
Юная, рыжая осень
Звонко шагает по лесу.

Клены пылают безмолвно,
Пахнет грибами и хлебом.
И журавлиного звона
Ждет осторожное небо.

Словно предания, птицы
К югу потянутся скоро.
Утром яснее границы
Тихой души и простора.

Падает рокот моторный
На молодую поляну.
И над дорогою черной
Солнце трепещет багряно.

Михаил АНДРИАСОВ

ШТУРМ ЛЕДЯ

Это было в январе 1943 года, в донской степи, под Сталинградом. Советская Армия, окружив 6-ю армию Паулюса, теснила на запад гитлеровские войска. Отступая, враг ожесточенно огрызался, отстаивал каждую высотку, каждый населенный пункт. Маленькая станция Красновка в эти дни приобрела для гитлеровцев особое значение: через эту станцию гитлеровские части пробивались из Миллерова на Ворошиловград...

1

— Красновку удерживать любой ценой! — такой приказ отдало германское командование двум пехотным полкам. Им были приданы артиллерия и минометы.

Через станцию Красновку лежал путь отхода гитлеровцев на Украину.

На станцию прибыл командир дивизии генерал-лейтенант фон Шрадер. Он внимательно осмотрел местность и приказал возвести в районе станции ледяной вал.

— Не теряя времени, всех солдат на возведение ледяного вала,— распорядился генерал.— Русский мороз на этот раз будет нашим союзником. Приказываю разобрать ближайшие дома. Балки, бревна, камень — что найдете в ближайших дворах, будете взваливать на эту горку. Побольше соломы, снега. Поднимайте как можно выше. Не забывайте, с минуты на минуту русские снова начнут контратаковать. Эта чертова Красновка им нужна не меньше, чем нам. Только ледяной вал может удержать русских. Помните!

В тот год январь в донской степи с каждым часом становился суровее. Мороз крепко сковал землю, и, будто сопротивляясь его озлобленной силе, глухо, сдавленно стонали обнаженные, почерневшие стволы деревьев. На немецких солдат обрушивался резкий восточный ветер, казалось, это был неумолимый ветер Сталинграда.

Приказ фон Шрадера выполнялся неукоснительно, с немецкой педантичностью. Гора, возведенная из разного хлама, соломы, снега, поднималась все выше. Когда она достигла значительной высоты, солдаты стали обливать ее водой. Ледяная кора нарастала, становилась плотнее, толще. Так над Красновкой поднялся ледяной вал.

В разрывах низких зимних облаков на горизонте ярко вспыхнуло солнце — вершина вала засверкала. Для усиления обороны и чтобы помешать советским солдатам обойти станцию с флангов, немцы установили пулеметы на элеваторе и на водонапорной башне. За ледяным валом расположились артиллерийские и минометные позиции.

2

На рассвете пятнадцатого января сорок четвертая гвардейская стрелковая дивизия перешла в наступление. Второй роте сто тридцатого полка гвардии лейтенанта Ликунова было приказано захватить станцию Красновку — важный узел сопротивления, ключевую позицию врага.

Наступавшим предстояло преодолеть очень сильно укрепленную оборонительную полосу. Подступы к Красновке были опоясаны проволочными заграждениями, прикрыты десятками дотов, густо заминированы...

Из-за ледяного вала фашисты вели артиллерийский и минометный огонь. Поле перед гвардейцами перепахано взрывами. То и дело вздымались груды черной земли, перемешанной со снегом. Клубился густой, удушливый дым.

— Знает кошка, чье сало съела,— вглядываясь в оборону немцев, отрывисто сказал мариец младший сержант Кимарай Кубакаев.— Смотри, какой шум поднял...

В сумрачное небо взлетела зеленая ракета. И сразу, заглушая огонь противника, дружно ударила наша артиллерия. Вздрогнула, загудела земля. Вспыхнули орудийные залпы, и в то же мгновение они слились со вспышками от разрывов снарядов. Артиллеристы старательно расчищали путь нашей пехоте.

Передний край противника окутан густой пеленой. Все выше завеса дыма и бурой от снега земли — хорош огонек артиллеристов. А еще раньше, пользуясь темнотой, неплохо поработали саперы. Незаметно подобравшись к фашистским заграждениям, они ножницами разрезали колючую проволоку, сняли мины.

В центре боевого порядка — взвод младшего лейтенанта Седова — двадцатилетнего волжанина. Рядом лежит удалой гармонист, гвардии сержант, командир отделения Володя Васильев. Он хотел служить на флоте. Но, хоть и ушел на фронт добровольцем, судьба привела его в пехоту. И все-таки здесь, в пехоте, гвардии сержант не расстается с тельняшкой. Его любят в роте да и во всем полку за отвагу и бесстрашие.

Недалеко от Васильева — студент Николай Немировский, талантливый скрипач. Теперь вместо смычка у него в руках автомат. На нем он «играет» не хуже, чем на скрипке,— не один фашист лег в землю, сраженный меткой очередью Немировского.

За Немировским Ликунов видит веселого украинского хлопца Ивана Тарасенко, еще дальше —молодого (всего восемнадцать!) Ивана Полухина, жизнерадостного Николая Сирина, бывшего директора школы в Башкирии Зубая Утягулова... Неподалеку расположились бойцы отделения гвардии сержанта Николая Михайловича Севрюкова из Серпухова...

Кончилась артподготовка. Пора!

— Товарищи! Помните, самое главное — быстрота!..— Ликунов встал, поднял автомат.— Вперед, на Красновку!

Да, именно о быстроте, о внезапности удара думал каждый, кто ринулся на штурм ледяного вала.

Бежать трудно. Степь покрыта глубоким снегом. К счастью, сильный мороз превратил снег в белый сыпучий песок, и ноги не увязали. Враг открыл бешеный огонь. Яростное «Ура!» перекатывается над степью. Рота уже в полосе проволочных заграждений. За считанные минуты бойцы преодолевают ряды колючей проволоки.

Немцы усилили огонь. Расположенные где-то за ледяной горой, еще яростнее били орудия и минометы. Лился смертельный ливень из амбразур дотов. Однако рота продолжала натиск. Те, что преодолели проволочные заграждения, уже находились вне досягаемости фашистской артиллерии.

Бойцы на ближних подступах к ледяному валу. Вот они уже штурмуют его, и путь один — брать его в лоб, под ливнем вражеского огня. Гладкий и скользкий, он блестит, словно зеркало.

Солдаты бросаются на лед и тут же скатываются вниз. Упавшие поднимаются, снова лезут на отполированную стену и снова скатываются. Что делать?

В кровь исцарапаны, изрезаны руки. Пошли в ход ножи, саперные лопаты, штыки. Все тщетно.

— Коммунисты и комсомольцы! Вперед! — Это командир роты, сняв с себя шинель, бросается на немецкую крепость. Энергичный взмах — и шинель летит на лед. Примеру комроты следуют другие. Евгений Котов и Кимарай Кубакаев связали две шинели и, распластав их на ледяной глади, взобрались выше всех.

— Ребята! Связывать шинели и на шинелях — вверх! — кричит Иван Седов.

Все выше поднимаются по льду солдаты второй роты. Сраженные валятся вниз, увлекая за собой живых. Кто-то навсегда останется под горой. Живые тянутся к вершине. Бойцы связывают уже по три, четыре, по пять шинелей. Солдаты перебрасывают соединенные шинели еще выше и через силу тянутся — вверх, вверх, только вперед, только к цели.

Все мысли, вся воля направлены к одному — вал должен быть преодолен. Бойцы ведут автоматный огонь, дробят лед, перебрасывают гранаты через вал, и наконец рота Ликунова, потеряв многих своих бойцов, врывается на гребень немецкой горы, которая, по замыслу ее строителей, должна была остановить русских. Тщетными оказались надежды нацистов! Огневой вал советского наступления оказался сильнее ледяного вала фашистов.

3

Нет, ни за что гитлеровцы не поверили, если б им сказали, что их пресловутую «неприступную» крепость преодолела одна советская рота. Немцы были убеждены, что на штурм вала большевики бросили несколько крупных подразделений. Воспользовавшись замешательством немцев, рота залегла за покоренным валом, на захваченных рубежах.

Впереди, метрах в ста, солдаты увидели на окраине станционного поселка три одинокие, зияющие пустыми окнами хаты. Комроты принял решение захватить их, пока враг не пришел в себя.

— Что будем делать, лейтенант?— спросил Седов.

— Будем брать эти домики.

Взгляды их встретились.

— Людей осталось мало. Очень мало,— повторил Седов.

— Знаю.

— А пройдем?

— Надо пройти.

«Надо пройти. Надо пройти... Надо взять эти три хаты».

— За мной, в атаку! — скомандовал Ликунов.

— В штыки их, ребята! — подхватил приказ командир взвода.— Бегом!

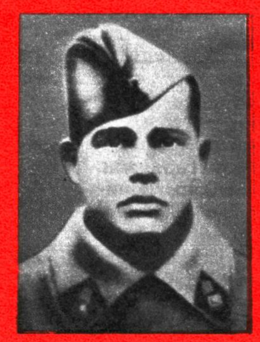
Обессиленные в боях за ледяной вал, измотанные, с окровавленными руками, едва переводя дыхание, гвардейцы снова поднялись в атаку. Спотыкаясь и падая, они бежали за офицерами, и нельзя было не подивиться тому, откуда бралась у этих людей, измученных только что совершенным нечеловеческим переходом через крутую ледяную стену, сквозь лавину огня,— откуда бралась у них эта сила.

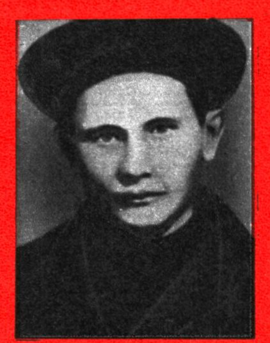
— За мной! — кричал Кимарай.— Бей паразитов!

НОГО ВАЛА

ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА:

Гвардии лейтенант И. С. Ликунов.

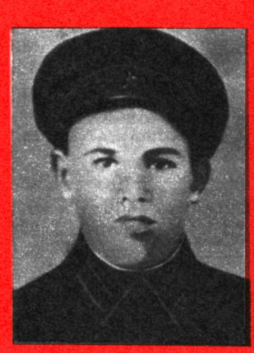

Гвардии младший лейтенант И. В. Седов.

Гвардии сержант Н. М. Севрюков.

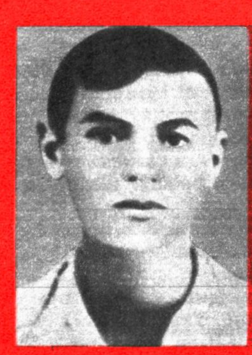

Гвардии сержант В. А. Васильев.

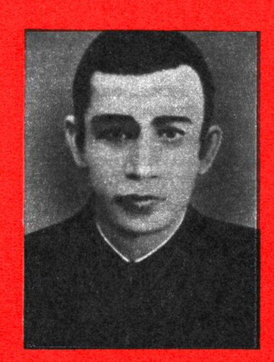

Гвардии младший сержант Кимарай Кубакаев.

Гвардии красноармеец А. А. Курбаев.

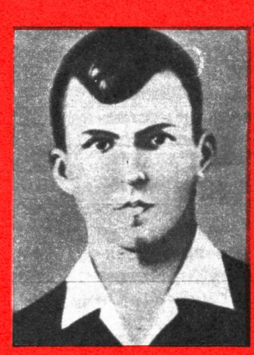

Гвардии красноармеец К. И. Поляков.

Гвардии красноармеец Н. Н. Немировский.

Гвардии красноармеец И. И. Тарасенко.

Гвардии красноармеец Зубай Утягулов.

Гвардии красноармеец И. А. Полухин.

Гвардии красноармеец Е. П. Котов.

Гвардии красноармеец Н. И. Сирин.

Начался рукопашный бой.

Немцы не выдержали натиска и отступили. Гвардейцы закрепились в трех окраинных домиках.

...Неоплатной ценой достались вал и эта тернистая дорога к хатам. Пересчитали всех, кто остался в строю: тринадцать человек. Четверо из них коммунисты: комроты Иван Ликунов, гвардии сержант Владимир Васильев, гвардии сержант Николай Севрюков, гвардии красноармеец Афанасий Курбаев. Четверо комсомольцы: младший лейтенант Иван Седов, младший сержант Кимарай Кубакаев, гвардии красноармеец Константин Поляков, гвардии красноармеец Николай Немировский. И пятеро беспартийных — гвардии красноармейцы Зубай Утягулов, Иван Тарасенко, Евгений Котов, Иван Полухин, Николай Сирин... Два офицера, три младших командира, восемь рядовых.

Тринадцать. Каждому из них ясно, что предстоит жесточайшая схватка с численно превосходящим противником. Надо держать и этот Красновский ледяной вал, которому суждено будет войти в летопись бесстрашия и который станет одним из памятников легендарного мужества советских солдат, и этот, быть может, последний рубеж второй роты, проходящий через только что отбитые у врага три небольших домика...

Тринадцать. Им неимоверно тяжело. Они бу-

дут биться в условиях, на которые не рассчитаны человеческие возможности. Они ни на миг не сомневаются в том, что подоспеет помощь, что она уже идет, что она близка, что их выручит родной сто тридцатый полк. Придет. Поддержит. Но его пока нет. И надо держаться. Надо держаться им, тринадцати воинам. Судьба Красновки сейчас зависит от них, от тринадцати воинов второй гвардейской роты, и на них теперь действительно смотрит и надеется вся страна, вся Красная Армия. На них надеются, знают, что они не сдадут захваченных позиций.

Тринадцать. В них на этом крохотном участке многотысячекилометрового фронта Великой Отечественной войны сейчас олицетворена вся наша армия — ее благородство, мужество, преданность народу и потому ее непобедимость.

Сто тридцатый полк спешит к своим героям, но пока он ведет тяжелые наступательные бои, гвардейцы не уйдут отсюда, не отдадут врагам, как бы трагично ни сложились обстоятельства боя, ни пяди отвоеванной земли.

4

Ликунов разделил людей на три группы.

— В каждом домике будет свой гарнизон.

В крайнем левом домике — командир гарнизона Ликунов. С ним — сержант Васильев, рядовые Курбаев, Немировский, Котов. Среднюю хату обороняет группа сержанта Николая Севрюкова. С ним младший сержант Кубакаев, красноармейцы Поляков и Сирин. В третьей хате — командир гарнизона младший лейтенант Иван Седов, бойцы Утягулов, Тарасенко, Полухин.

По приказу лейтенанта все три домика быстро приспособили к обороне. В распоряжении гвардейцев ручные пулеметы, автоматы, гранаты.

Минометы прекратили обстрел, и в атаку на гвардейцев пошла рота фашистской пехоты. Немцы шли уверенно. Они догадывались: перед ними маленькая группа бойцов. Фашисты отсчитывали метр за метром. Ни выстрела.

Когда немцы подошли поближе, гвардейцы открыли огонь. Сержант Владимир Васильев бил из ручного пулемета. Трудно было в эти минуты узнать в нем веселого, добродушного гармониста.

Вражеская атака захлебнулась. Уцелевшие попятились назад, но их догоняли гвардейские пули.

Наступило новое затишье. И тут до воинов отчетливо донесся гул артиллерии.

— Это наши! — сдерживая волнение, крикнул Ликунов.— Слышите?!

— Продержимся,— понимая, какие мысли волнуют сейчас командира роты, баском отзывается Афанасий Афанасьевич Курбаев.

— Надо продержаться, ребята. Обязательно.— Ликунов вглядывается в усталые, исстрадавшиеся лица боевых друзей.— Успех красновской операции теперь решаем мы.

«Вот они, рядом со мной,— думал лейтенант,— нас пятеро. И все мы как один человек. Одна воля. Одни мысли. Одна жажда — выстоять, выполнить долг, не отдать врагу захваченного плацдарма. Пятеро, но у нас одна жизнь и, если надо будет — одна смерть». Он скрутил цигарку. Глубоко затянулся.

— Товарищ лейтенант, глядите, это же Кимарай! Какие-то знаки подает, гранату держит! — Курбаев показал в сторону соседнего дома.

В самом деле, из окна выглядывал младший сержант Кубакаев и почему-то размахивал лимонкой.

— Что это он?— спросил Котов.— Не пойму...

— Чего ж не понять,— отозвался Курбаев.— Человек толково объясняет. Гранаты просит! Должно, кончаются...

У Ликунова лишних гранат не было, однако десяток лимонок они могут отдать соседнему гарнизону.

— Товарищи, надо воспользоваться передышкой! Ребята Севрюкова просят гранат. Кто понесет?

— Я!

— Я!..— вызвались Котов и Немировский.

— Прошу поручить мне,— настойчиво повторил Немировский.

— Но я же назвался первым! — возразил Котов.

— Пойдет Котов! — решил лейтенант.

Женя распихал гранаты по карманам, положил за пазуху, пополз к соседям.

По-видимому, немцы не заметили Котова. Он благополучно дополз до места, передал гранаты, но на обратном пути, когда уже был у самой цели, немцы обнаружили его. Хлестнули пулеметные очереди. И тут же, прикрывая товарища, открыли огонь все три домика.

Все-таки бойца ранило в ногу. Он силился ползти, но не мог.

Немировский кинулся на помощь, быстро добрался до Котова, бережно обхватил левой рукой, пополз. За Котовым по снегу тянулся кровавый след...

Курбаев заботливо перевязал рану.

— Все будет хорошо, сынок,— приободрил он солдата.— До свадьбы заживет!

— Эх, дядя Афанасий,— вздохнул Евгений.— Дожить бы до свадьбы!

...Кончилось затишье. Враг идет в очередную атаку. Завязалась новая ожесточенная схватка. И снова фашисты откатываются назад. Началась огневая дуэль. Пробитые пулями, осыпаются стены, густая пыль заволакивает комнату. Свистят пули. И вдруг прильнувший к ручному пулемету сержант Севрюков безвольно валится на пол.

— Товарищ сержант... Товарищ сержант! — бросился к нему Кубакаев. Севрюков не ответил. Кимарай залег за пулемет, открыл огонь.

В третьем домике ранен Иван Полухин с Орловщины. Наспех наложенная повязка пропиталась кровью. Все шире багровое пятно на шинели. Кружится голова, плывет, качается потолок...

Рядом у окон — Иван Тарасенко и башкир Зубай Утягулов. Все четверо отбивают ожесточенные атаки врага. На подходах к ликуновским домикам все больше трупов фашистских солдат. Но с каждым часом тяжелее и тяжелее гвардейцам. Где-то совсем недалеко родной сто тридцатый полк. Близко. Он рвется на помощь. Гитлеровцы отчаянно сопротивляются. На пути наступающих сильные заградительные рубежи...

Осколками гранаты тяжело ранен Иван Седов. Последнее, что он увидел,— Полухин окровавленным платком с трудом выводил на стене: «Смерть фашизму!»

Сгустился вечер. Небо иссекли светло-зеленые росчерки трассирующих пуль. Который час длится поединок? Гитлеровцы, видя, что штурмом домики не взять, изменили тактику. Пользуясь темнотой, вражеские солдаты стали подползать к хатам по одному, по два. Но Ликунов и его товарищи вглядывались в темень.

Как только в окнах вспыхивают огоньки выстрелов, открывает огонь вражеский пулемет, установленный прямо против домиков...

— А что, если подобраться к нему и забросать гранатами?! — предложил сержант Васильев.

— В добрый час, Володя,— отозвался командир.

Васильев— «морская душа», как называли его товарищи,— вооружившись гранатами, скрылся в темноте.

Чтобы добраться до вражеского пулемета, ему пришлось сделать изрядный крюк. Наконец пулемет рядом. Васильев встал на колени и с силой одну за другой швырнул гранаты. Взрывы. Крики. Товарищи сразу же открыли огонь. Немцы обнаружили сержанта. Вспыхнули ракеты. Он бросил еще одну гранату. Но тут его ударила пуля. Собрав все силы, Васильев размахнулся, чтобы бросить последнюю...

— Последние патроны,— отстегивая с пояса подсумок, глухо сказал Ликунов.— Слышите, ребята? Последние! Ни одного пустого выстрела. Каждая пуля — убитый фашист!

...На рассвете скончался Женя Котов. После ранения в ногу он еще оставался в строю, продолжал сражаться. Его ранило еще раз — в грудь. Он не выпускал автомата. После третьего ранения, с окровавленной головой, Котов потерял сознание. И более не очнулся.

Наконец все патроны кончились. У гвардейцев оставались только гранаты. С опаской, еще не доверяя молчанию домиков, боязливо подступали фашисты. Мужество гвардейцев озадачило немцев. Что за дьявольское упорство?! Почти сутки держится горстка красных!

Настороженно, все ближе и ближе подходили гитлеровцы.

— Рус зольдат, хенде хох! Сдавайся, Иван! Патроны нет! Капут!

— Это вам, гады, капут! — Кимарай бросил гранату.

В третьей хате на руках учителя Зубая умирал солдат Полухин.

На пробитом, окровавленном полу второй хаты недвижно лежит Константин Поляков. Жизнь еще теплится в нем, и он, задыхаясь, торопится высказать солдату Николаю Сирину, рабочему хлебопекарни из далекого города Ханты-Мансийска, свое самое заветное:

— Наташка, она хорошая... Другой такой, Коля, на всем белом свете нет... Солнышко мое незакатное...

Плотным кольцом окружили немцы домики. Они еще надеются взять живыми тех, кто уцелел. Но на все предложения о капитуляции советские бойцы отвечают гранатами.

Тогда фашисты решили подожечь домики.

В горницу из-под дверей начал сочиться сизый дым, он быстро заполнял комнату, клубился под потолком.

Ликунов встал на колено, припал губами к холодному лбу Котова, поцеловал потерявшего сознание Афанасия Курбаева.

— Ну, Коля, пошли!

Выхватил пистолет. В руках у Немировского — граната.

Кажется, всю ненависть вложили в свой последний бросок и лейтенант и солдат. Прежде чем фашистская пуля сразила Ивана Сергеевича и он упал лицом к врагу и обнял родную землю, две его пули уложили двух фашистов. Нашла свою цель и последняя граната Немировского...

С гранатами в руках выскочили из горящей хаты и младший сержант Кимарай с Николаем Сириным. Страшен был для врагов в эту последнюю минуту Кимарай, и смерть его под выстрелами фашистов была смертью непокоренного. Мужественно пал и солдат Сирин...

Смертью героев погибли в третьем домике последние его защитники: Иван Тарасенко и Зубай Утягулов...

Взметнувшийся над степью огонь увидели бойцы наступавшего сто тридцатого полка. Это придало им новые силы, и гвардейцы, опрокинув заслон врага, ворвались в Красновку.

Тела погибших однополчан солдаты перенесли в пристанционный палисадник и бережно опустили в братскую могилу.

Над освобожденной землей поднималось неяркое солнце. Сухо ударили в степи залпы салюта.

Гвардейцы выполнили приказ командования. Красновка была освобождена, и немецкие эшелоны не пробились из Миллерова на Ворошиловград.

Какая же судьба постигла фашистские войска, окруженные в Миллерове? Немецкие военачальники выдали солдатам водку и предложили выходить из окружения кто как может. Многие сложили оружие и сдались в плен. Многие погибли. И лишь единицы выбрались из мешка.

Отшумела зима в наступательных боях. Сорок четвертая гвардейская дивизия шла на запад.

В один из апрельских дней 1943 года в газетах был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР, в котором сообщалось, что за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и геройство присваивается звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» гвардии лейтенанту Ликунову Ивану Сергеевичу, гвардии младшему лейтенанту Седову Ивану Васильевичу, гвардии сержантам Васильеву Владимиру Александровичу и Севрюкову Николаю Михайловичу, гвардии младшему сержанту Кубакаеву Кимараю, гвардии красноармейцам Курбаеву Афанасию Афанасьевичу, Немировскому Николаю Николаевичу, Полухину Ивану Андреевичу, Полякову Константину Илларионовичу, Котову Евгению Петровичу, Сирину Николаю Ивановичу, Тарасенко Ивану Ивановичу, Утягулову Зубаю.

В многотиражной газете «Боевой путь» сорок четвертой гвардейской Краснознаменной стрелковой дивизии в номере за 11 апреля было напечатано стихотворение, посвященное тринадцати бессмертным гвардейцам.

Автором стихотворения был уроженец донской земли, известный фронтовой поэт Алексей Недогонов.

Когда Информбюро о наступленьи
Повествовало в хронике войны,
Когда на запад шли подразделенья,
Боями штурмовыми стеснены,

В январский день в упрямстве
непреклонном,
Разя врага, за каждый дюйм земли
Тяжелый бой в Красновке опаленной
Тринадцать наших воинов вели.

Вторые сутки в стуже ледяного
И злого ветра — дьявольский напор!
Гвардейцы храбрые Ивана Ликунова
Красновку брали приступом, в упор.
Горят дома, дым, словно море, горек,
Горят огни, сводящие с ума...
Когда-нибудь седеющий историк
Напишет о тринадцати тома.

Опишет он, как Ликунов, сгорая,
Родную землю нежно целовал,
Как пули младшего сержанта Кимарая
Фашистов били точно, наповал,

Как руки, сжатые из мужества и стали
В бушующем ненавистью огне,
Два слова: «Смерть фашизму!» — начертали
Уже кипящей кровью на стене.

Да, славы памятной не скроют тучи
И не затянет дымом лютая война...
Живут в веках в том подвиге могучем
Бессмертные гвардейцев имена!

5

С тех пор минуло три десятилетия. На станции Красновке воздвигнут памятник героям, открыт музей тринадцати гвардейцев. И со всех концов страны сюда, в Красновку, приезжают люди, чтобы склонить головы перед героями второй гвардейской роты.

Павшие гвардейцы были навечно зачислены в списки части. Навечно оставила их в своей благодарной памяти вся наша страна.

Алтайский край. Центральная улица села Вознесенка носит имя командира второй роты лейтенанта Ликунова. На одном из домов мемориальная доска: «Здесь родился и жил Герой Советского Союза Иван Сергеевич Ликунов. 1911—1943».

Волга. Ульяновская область. Село Канновка. Родина младшего лейтенанта Седова. Живет тут мать героя — Дарья Ивановна. В селе поставлен памятник воинам-землякам, павшим в боях за Отечество. Это памятник и Ивану Седову.

Московская область. Город Серпухов. Одной из улиц присвоено имя сержанта Севрюкова. В школе, где учился герой, установлен его бюст.

Башкирия. Деревня Тюльды. На центральной площади установлен бюст Кимарая Кубакаева.

Башкирия. Деревня Бакеево. Мемориальная доска: «В этой школе учился Герой Советского Союза Зубай Утягулов».

Магнитогорск. Железнодорожные мастерские. Мемориальная доска: «Здесь работал прессовщиком Герой Советского Союза Иван Тарасенко». На доске барельеф гвардейца.

Челябинская область. Город Карталы. Профтехучилище № 42 имени Ивана Тарасенко. Бюст героя.

Ленинград. Школа № 406 имени Евгения Котова и надпись: «Здесь учился Герой Советского Союза Евгений Петрович Котов».

Ленинград. Мемориальная доска на стене здания: «Здесь работал Герой Советского Союза Евгений Котов. Отсюда ушел добровольцем на фронт».

Приморский край. Село Надеждинское. На самом видном месте бюст солдата — Героя Советского Союза Афанасия Афанасьевича Курбаева.

Река Иртыш. Тюменская область. Город Ханты-Мансийск. Улица Героя Советского Союза Николая Сирина.

Воронежская область. Село Нижне-Кисляй. Улица имени Константина Полякова.

Москва. Центральный музей Советской Армии. Раздел: «Тринадцать героев Красновки». В числе других и материалы о Герое Советского Союза сержанте Владимире Васильеве, солдатах Николае Немировском, Иване Полухине...

6

Красновка. Погожий день. Сияет солнце. Дрогнули, отошли за дальний лес тяжелые облака.

Покатилось солнце к закату. Земля дышит прохладой. Набегает свежий степной ветер. У памятника гвардейцам пламенеющие цветы...

Здесь принимают красновских ребят в пионеры, вручают комсомольские билеты.

Всякий раз первого сентября учебный год в Красновской средней школе начинается с рассказа о тринадцати...

Листает свои живые, горячие страницы над маленькой Красновкой большая советская жизнь. И в каждом добром ее деянии вечно живет вторая гвардейская рота.

ВЕЧНЫЕ ВОИНЫ

Иван ИСАЕВ

Цветов боевые соцветия
под сенью приспущенных лип...
Идет
объясненье столетия
на мраморном форуме плит.
Привычное,
горькое,
дальнее:
«Петров...
Наливайко...
Огнев...»
И небо над ними
Молдавии —
посмертно родной Кишинев.
Частица единого — Родины.
А сколько у Родины их,
и сколько
за каждую
отдано
и судеб
и жизней людских!
Не силою слова господнего
далась нам Победа побед.
Идет
осмысление подвига,
идет
назиданием лет —
всем тем,
кто не в меру воинственны,
пытающим прочность границ...
Идет
уяснение истины
под отблески давних зарниц.
Да будут уроки усвоены —
мир мира основан на том.
...Спят воины,
вечные воины,
прикрывшись плитой, как щитом.

КИНО

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОСТУЧАЛСЯ В ОКНО...

Летним вечером неизвестный постучался у вдовьего окна, спросил у девочки-подростка: «Где твой отец?»

Может, жив он?— вспыхивает надежда в опаленных горем сердцах... Ведь кто-то же шлет время от времени денежные переводы?!. Только почему-то каждый раз из другого города, а то с полустанка, который не всегда и на карте отыщешь...

И в эту минуту убитая горем женщина приходит за советом к людям, которые готовы помочь таким, как она, пострадавшим, запутавшимся или обманутым...

Наверное, в первую очередь об этом и рассказывает картина, созданная автором сценария, писателем Ф. Шахмагоновым и режиссером И. Гостевым на студии «Ленфильм».

Конечно, в фильме «Меченый атом», крупно и сильно исполненном в жанре художественной публицистики, много самых разных аспектов—от больших, международных проблем мира и войны на всей нашей планете до чисто приключенческих игровых ситуаций, делающих картину острой и напряженной, полностью захватывающей внимание зрителя... Но главные здесь — образы чекистов.

Смело сочетая приемы документального кино с лирическими сценами, режиссер И. Гостев добивается большой гражданственной значимости фильма, глубокой искренности переживаний героев, убедительности драматических коллизий.

Сценарий Ф. Шахмагонова позволяет и режиссеру и актерам уйти от примелькавшихся киноштампов, от повторов самих себя в сходных, а временами просто похожих, как близнецы, образах агентов и резидентов... Здесь они тоже есть — и те и другие, но полковник Дубровин Г. Жженова предстает прежде всего в своей человеческой сущности. Он одновременно твердый и добрый человек, он азартен и хладнокровен... А как удались образы, созданные Ю. Толубеевым и В. Стржельчиком! Их герои — люди, неизвестные нам доселе и уже поэтому интересные: умные, волевые, самоотверженно исполняющие свой долг.

Хорошо написана сценаристом и великолепно сыграна Г. Тараторкиным роль художника-реставратора Казанского. Несколько «традиционная» в кино тема преступной торговли предметами древности — иконы, картины, статуэтки — здесь заново раскрывается перед зрителем. Смотришь на Казанского с желанием остановить, предостеречь его, спасти и других, молодых, не угодивших еще в лапы матерых хищников Эванса (В. Покровский), Сальге (В. Самойлов)...

Разговор об интересном фильме нельзя закончить, не упомянув о том, что предисловие к нему делает один из консультантов картины, Маршал Советского Союза В. И. Чуйков.

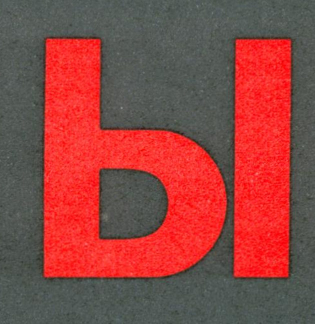
Г. ЛЕЙБУТИН

На снимке: Г. Жженов в роли Дубровина.

Г. МАКАРОВ
Фото автора.

ЗВЕЗДЫ

Таких ребят, в модных и немодных куртках, немного ершистых, на улице просто не замечаешь. Такими они приходят сюда каждую осень, а через четыре года дежурные по КПП отдают честь молодым инженерам с лейтенантскими звездочками на новеньких погонах.

Выпускники Ташкентского Высшего танкового командного ордена Ленина училища имени дважды Героя Советского Союза маршала бронетанковых войск П. С. Рыбалко несут службу почти во всех танковых частях и учебных заведениях Советской Армии. Среди них — командиры взводов и рот, полковники и генералы. Первый заместитель министра обороны СССР генерал армии С. Соколов — также воспитанник училища.

В. Бочковский, А. Белобородов, Н. Пухов, И. Конорев, Н. Малюга, В. Шаландин... О подвигах сорока четырех героев лаконичным армейским языком рассказывает небольшая книжка «Герои Советского Союза — воспитанники Ташкентского танкового».

— Она еще не закончена,— говорит работник политотдела офицер Дмитрий Буданов.

Поиск продолжается, список не окончен; в нем нет последнего, вернее, замыкающего. А первый! Правофланговый!..

...Черный дым размазался по светлому и жаркому небу. С болью смотрел на горящий танк только что вернувшийся из боя командир взвода лейтенант Склезнев. Спасти! Сейчас так дорог каждый танк, каждый пулемет, даже винтовка, а до машины всего несколько сот метров. Правда, и от фашистов до нее недалеко. И лейтенант ползком, перебежками добрался до бугорка, укрылся за ним. Выждал паузу. Подполз ближе к танку. Пулеметная очередь повторилась, но лейтенант был уже под укрытием брони танка. Прыжок — и он внутри дымящейся машины. Она сдвинулась с места и пошла, окутанная дымом. Рычаги обжигали руки, дым ел глаза. Удивленные фашисты даже не открыли огня.

Танк на последнем дыхании дополз до расположения бригады и замер. Песок укрощал огонь, но попробуй угадать, когда начнут рваться разогретые пожаром снаряды! И все-таки их убрали из машины. Танк вернулся в строй.

А вот как об этом говорит официальный документ:

«Лейтенант Склезнев Георгий Михайлович.

Командир взвода 4-й отдельной механизированной бригады.

За боевую работу в Испании награжден орденом Красной Звезды в 1937 году.

Во время боев у Махадаонды проявил исключительную храбрость. Под огнем противника вывел из боя и спас горящий танк.

Товарищ Склезнев личной храбростью и геройством воспитал таких же храбрых бойцов, как и сам. В бою на Хараме при первой атаке полностью уничтожил прорвавшиеся силы противника.

Погиб во время второй атаки в районе Арганды.

Честный, исключительно храбрый и показавший свое геройство в боях.

Ходатайствую о присвоении звания Героя Советского Союза...»

Замер строй для вечерней поверки.

— Герой Советского Союза лейтенант Склезнев! — вызывает старшина.

— Герой Советского Союза лейтенант Склезнев пал смертью храбрых в боях с фашизмом, выполняя особое задание Советского правительства,— отвечает правофланговый старший сержант Виктор Морозов.

Так, окончив училище в 1934 году с золотой медалью, навечно вернулся в роту Георгий Склезнев—один из первых танкистов, удостоенных звания Героя.

Голубым светом сияет меж деревьев сооружение из стекла и металла. Здесь в уютной курсантской чайной можно попить чаю, посмотреть концерт, отпраздновать курсантскую свадьбу. А рядом горят окна учебного корпуса — идет самоподготовка...

В одном из классов танкового парка идут практические занятия. Послушный движениям курсанта, по миниатюр-полигону ползет радиоуправляемый танк, делая развороты и преодолевая «кратеры» — воронки.

Классы, аудитории, классы... Но самый главный из них — поле...

Из дыма и пламени вырываются танки на рубеж атаки. Багрово вспыхивает снег перед орудиями, и оранжевые цветы выстрелов выбрасывают вперед стальные снаряды. Цель поражена. Сняты пропотевшие танкошлемы, приглажены взмокшие вихры...

В учебном огневом городке.

Курсантское «КБ». Здесь рождаются дипломные проекты.

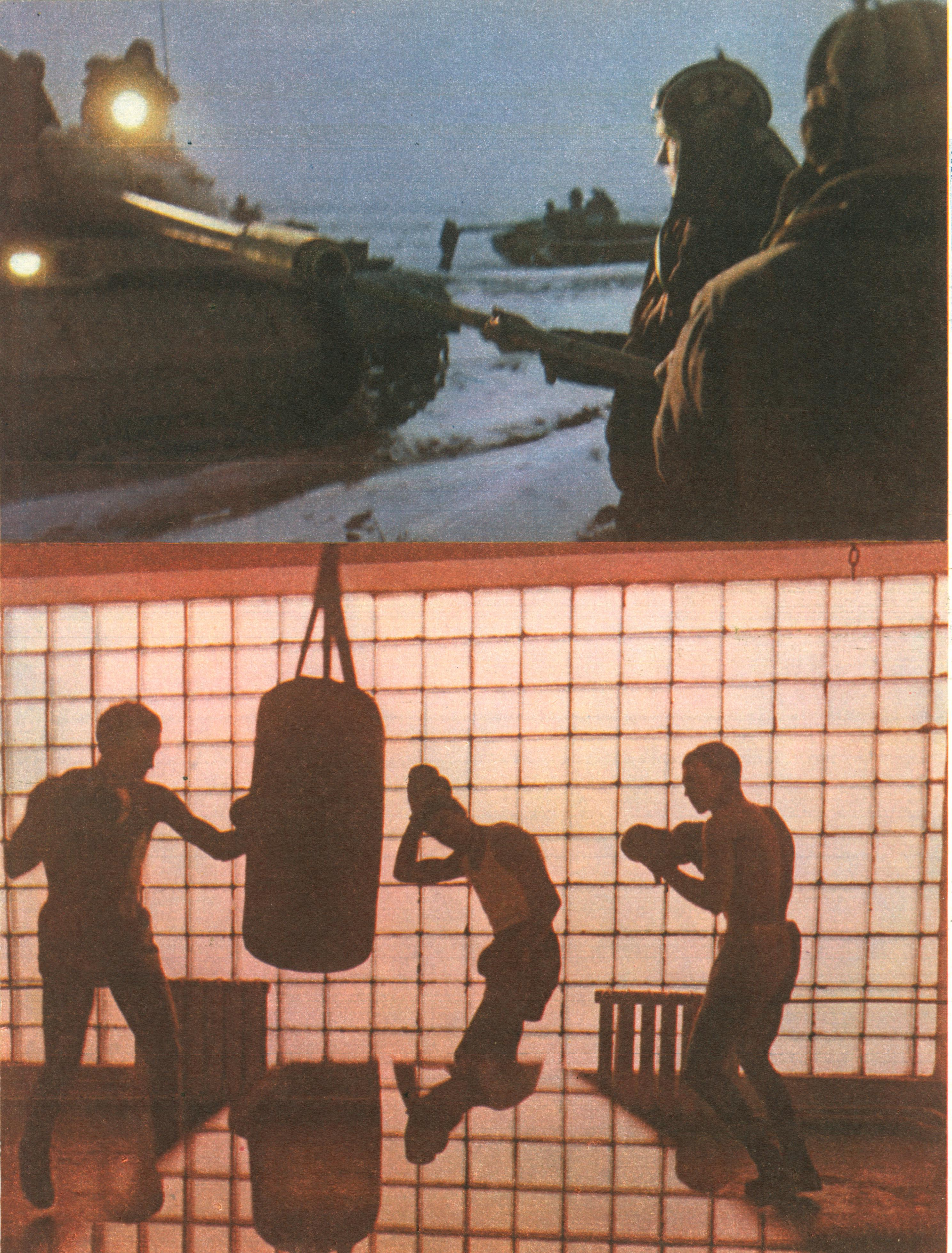
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

«Жаркий день» на танкодроме.

137

ЕЩЕ НЕ ОСЕНЬ...

Юлиан СЕМЕНОВ

РАССКАЗ

Рисунок П. КАРАЧЕНЦОВА.

— Чего в Москве хорошего? — спросил Григорий Васильевич, приготовившись к серьезному разговору. Он любил строить свои политические планы, предлагать составы правительств и подправлять общую линию конкретными советами; особенно свободно он чувствовал себя в германском вопросе — здесь он обычно вступал в противоречие с устоявшейся точкой зрения.— Какие новости?

Серебровский хотел было рассказать о новостях; раньше ему нравилось наблюдать за тем, какие своеобразные и странные оценки давал им Григорий Васильевич; впрочем, однажды Серебровский поймал себя на мысли, что рассказывал давным-давно известные новости лишь для того, чтобы наблюдать необыкновенный механизм мышления бакенщика, и, когда он понял это, ему сделалось стыдно самого себя, потому что он сразу же вспомнил, как самозабвенно Григорий Васильевич учил его ловить рыбу, раскрывая свои секреты, и как он рассказывал удивительные истории, радуясь при этом изумлению собеседника. Поэтому Серебровский отныне рассказывал Григорию Васильевичу лишь то, что ему самому было интересно, что мучило его, радовало или тяготило.

Но сейчас он почувствовал неловкость из-за того, что рядом сидела Катя, которая говорила то, что ей хотелось сказать, не думая, понравятся ли ее слова окружающим.

— Да ничего особенно интересного, — ответил Серебровский,— все по-старому.

Григорий Васильевич взглянул на Серебровского с каким-то снисходительным интересом, чуть даже покачал головой и, закурив, скрыл в уголках рта улыбку.

«Сейчас она уйдет,— вдруг испугался Серебровский,— поднимется, скажет что-нибудь и уйдет».

— Можно, я возьму гитару? — спросила Катя, когда молчание за столом сделалось неестественным.— Если хотите, я вам поиграю.

— Насть,— сказал Григорий Васильевич,— гитару просят...

Настьюшка сделала какое-то странное движение, но с места своего не сошла, и тогда поднялась Катя, сняла со стены гитару, отошла к Насте, и лица их теперь не были видны, потому что стало темно, а свет в доме включен не был; она попробовала струны, поставила левую ногу на перекладину стула, где сидела Настя, и заиграла Баха. Она была недвижна, и только пальцы ее были быстры, особенно те, которые стремительно и нервно перемещались по деке.

Катя соединила — без паузы — «Аве Мария» с «Седьмой фугой», и Серебровский, слушая, испытывал странную гордость. Он победно, чуть смущаясь, посмотрел на Григория Васильевича, Елену Павловну, а потом хотел было увидеть в темноте глаза Настеньки, но так глаз ее и не увидел. Григорий Васильевич слушал Катю сосредоточенно, тяжело затягиваясь «Памиром», и Серебровский понял, что музыка эта ему нравится, и понял он, что Григорий Васильевич тоже испытывает какое-то неудобство, но это неудобство было обращено им теперь против самого себя, а уж никак не против Кати.

Кончив играть, Катя повесила гитару на стену. Настьюшка неслышно вышла из дома.

Катя, которая по-прежнему стояла возле бревенчатой стены, сказала:

— Вы хорошо слушаете музыку, дядя Шура.

— Так вы играете очень замечательно, оттого и слушаю.

— Спасибо,— ответила Катя и вернулась на свое место. Она села близко к Серебровскому, так близко, что он чуть отодвинулся от ее плеча, руки и бедра, а отодвинувшись, сразу же пожалел об этом.

— Хорошо вы играете,— повторил Григорий Васильевич.— Это талант у вас такой. Лешка-то наш, оказывается, баловался. Ведь когда образца не имеешь, и козу за льва примешь.

— Настька-то как пришла домой,— обрадованно, словно бы освободившись от чего-то, изнутри ее тяготившего, быстро заговорила Елена Павловна,— и все про вас и все про вас... «Дядю Шуру,— говорит,— видала, а с ним красавица, такая красавица, он к нам теперь потому и не ходит...»

— Это я красавица? — искренне удивилась Катя.— Нет, вот дочь ваша... Вы попросите, чтобы она попозировала мне...

Григорий Васильевич вновь насторожился, но это было в нем одно лишь мгновение, он согнал со лба хмурь и спросил:

— Это как?

— Я к вам приду с красками и холстом, а Настенька посидит около окна.

— А вы уж умеете? — спросил Григорий Васильевич.— Я думал, вы как Лешка: получил диплом — тогда и агрономь... Я без обидного говорил — то, что думаю...

— И вас бы я с радостью порисовала, Григорий Васильевич...

Григорий Васильевич чуть обернулся к жене, поясняя:

— С меня портрет хочет писать.

— Да он же старик,— рассмеялась Елена Павловна,— какой в нем интерес! Он вот и на печь перебрался...

Григорий Васильевич посмотрел на Серебровского, потом перевел взгляд на Катю и сказал:

— Все же бабы из нашего ребра сотворены! Для мужчины возраста нет... Мужик — он и в гроб ложится, а все равно про молодое думает... Это вам все мерещится — блуд, блуд... А мужик, он в помыслах, как ребенок... Сказки-то мужики повыдумывали, бабы с их слов детям рассказывают...

— Господи,— тихо сказала Катя и повернулась к Серебровскому,— милый вы человек, спасибо вам, что привели меня сюда.

3

...Ночь была громадная, беззвездная и тихая.

— Вы сегодня про что будете думать? — спросила Катя, когда Серебровский проводил ее до финского домика.

— Спать буду,— ответил он, стараясь подстроиться под ее манеру говорить.

Но он сразу понял, что сфальшивил, потому что она говорила лишь то, что ей хотелось сказать, и не для того, чтобы обидеть, а просто она была естественна в каждом своем слове.

— Не будете вы спать,— сказала Катя, вздохнув.— Зачем говорите неправду? Думать будете... Обо мне. Только вот... как?

— Хорошо.

— А я про вас буду думать плохо.

— За что же?

— А вы трус...

— Почему?

— Приходите к нам завтра,— вместо ответа сказала Катя.— Вечером в церковь пойдем... Семнадцатый век. Во всех каталогах представлена. А поп там Колька... по кличке «Антихрист». Придете?

— Да...

— Ну, а сейчас идите к себе. А то ловлю проспите...

— Жор...

— Что?

— Жор... Не ловля, а жор. Про щуку не говорят «ловля».

— И принесите ваши рубашки, мне постирать хочется. И штаны принесите, у вас там дырка...

Окончание. См. «Огонек» № 8.

Чистота — залог здоровья.

С пользой для военного дела.

— Вы зачем так говорите? Не надо мне так говорить...

— Вы на отчима моего похожи...

— Во мне все находят сходство с кем-нибудь.

— Обидно?

— Привык.

— Разве можно привыкать к обидам?

— Спокойной ночи...

— Дайте сигарету...

— Не дам. До свидания.

Серебровский повернулся и пошел к лесу. Он знал, что Катя стоит возле крыльца, и поэтому он шагал осторожно, чтобы слышать ее у себя за спиной.

Заснул Серебровский, когда между соснами забрезжил серый, вкрадчивый рассвет, спал недолго, полчаса, от силы минут сорок. Пробуждение его было радостным, но потом он увидел над собой лицо Кати и зажмурился, потому что не мог сразу понять, приснился ему этот вчерашний день или был он на самом деле.

«Старый болван,— подумал он,— не выдумывай историй в стиле современного кино... Ничего не надо. Просто следует беречь ту тишину, которая устоялась во мне, и не придумывать ничего. Игра сыграна, а дело есть дело, и незачем сейчас качаться на люстре».

Серебровский поднялся, ощутил во всем теле усталость и рассердился на себя еще больше: «Это уже не по мне — ложиться спать под утро». Он пошел к морю. Над морем слоился туман. Серебровский вошел в воду, окунулся, зафыркал, чувствуя, как проходит слабость, и как цепенеет кожа, и как горячо делается в затылке и за ушами.

— Ля-ля-ля! — запел он нарочито фальшивым голосом. Ему нравилось петь в лесу фальшивым голосом. Он был свободен в этом громадном сером хвойном лесу. В детстве он очень любил петь, и мать отвела его в музыкальную школу. Ей сказали, что наиболее перспективной в ближайшем будущем будет виолончель, и матери показалось занятным, чтобы ее маленький сын играл на громадном, женственном инструменте. Он спел тогда «Шел отряд по бережку», но педагоги сказали, что мальчик декламирует, а не поет и настоящий музыкант из него не выйдет, и сказали они это при нем, с тех пор он всегда стыдился петь на людях; иногда его товарищи — и в школьные, и в студенческие годы, и на фронте — пели песни, а он молчал, и его обвиняли в отсутствии «чувства коллективизма». Серебровский отвечал, что он любит делать лишь то, что он умеет делать по-настоящему. Выучившись за год играть на рояле, он разучивал Дебюсси и Равеля, но играл только тогда, когда был один, и очень громко пел — тоже, когда был один, и отчего-то особенно ему нравилось петь дурным голосом и фальшиво — словно он мстил тем старым педагогам в музыкальной школе, которые сказали, что он напрочь лишен слуха.

...Плавал Серебровский плохо, всегда норовил бултыхаться возле берега, потому что у него после контузии сильно сводило правую ногу, и однажды он чуть не утонул в Гаграх, когда друзья затащили его на «заплыв».

Растеревшись докрасна мохнатым сине-красным полотенцем, Серебровский наскоро перекусил, положил в лодку спиннинг, набор блесен и транзистор — отчего-то ему казалось, что рыбалка сегодня не получится и можно будет поспать возле каменного острова, спрятав от солнца голову под маленький тент, который он приладил к левому борту.

Он даже не стал блеснить, приплыв на место. Он лег на резиновую надувную подушку, поставил лодку так, чтобы голова его была в тени, включил транзистор и уснул, сосчитав до семидесяти девяти.

Сон ему пригрезился странный — в цвете и музыке, но без сюжета. Вообще он любил смотреть сюжетные сны. Старушка, которая жила в его доме последние двенадцать лет, подолгу объясняла ему значение снов, и он знал, когда она говорила правду, а когда обманывала его, успокаивая. Он купил у букиниста затрепанный сонник, изучил его и отдал для анализа своим коллегам по биофизике — он был тесно связан по работе с теми, кто изучал высшую нервную деятельность.

Этот утренний цветной музыкальный сон был коротким и странным, и, проснувшись, Серебровский сразу же сел, чуть не опрокинув в воду тент, потому что, просыпаясь, он где-то на незаметной грани сна и бодрствования увидел громадную черную доску в аудитории и весь строй математического доказательства, над которым он бился последние полгода. Он увидел сейчас один общий ответ и успел понять, что уравнение должно быть единым, «цельнотянутым», как он любил говорить коллегам, и он начал быстро грести к берегу, чтобы записать это решение на бумагу, но потом понял, что, собственно, делать этого нет смысла, поскольку понятое и увиденное глазами он запоминал намертво.

«И сейфа нет,— вдруг усмехнулся Серебровский,— некуда будет спрятать, и я буду сходить с ума, пока рыбачу,— как бы кто не свистнул из-под подушки. Глупо, конечно, но ведь привычка — вторая натура, как ни крути».

Он все-таки записал систему доказательства на бумаге, порадовался тому, как красиво все выстроилось, а потом бумагу сжег на костре. Он записал это уравнение только для того, чтобы полюбоваться тем стройным рядом цифр и знаков, которые еще две недели назад казались ему ненавистными, раздражающими и кровавыми: математик, он не понимал, как можно говорить о его науке — «сухая». Нет теперь более кровавой науки, чем математика, ибо она в равной мере рассчитывает замысел атомщика и добрую идею реаниматора.

«В общем-то,— вдруг понял он,— записать можно еще экономнее и четче, с выигрышем в темпе. Это я сейчас здорово все придумал».

Он решил было записать и это свое новое решение — он работал по принципу цепной реакции: чем лучше работалось, тем он больше готов был сидеть за столом, важно только, чтобы пошло и чтобы ему точно представилось начало и конец — середина, как правило, его не волновала. Он очень обрадовался, когда Степанов сказал, что на каком-то их писательском совещании один из драматургов предложил провести совещание по «третьему акту». Если начало еще умеют как-то делать, то с концовками всегда дело сложней и путаней.

Серебровский нашел еще два листка бумаги, но потом, неожиданно для себя самого, поднялся и быстро пошел через лес — к домику, в котором жила Катя.

Он сейчас отчетливо понял, что все сегодняшнее утро перед ним стояло лицо Кати; он только сейчас осознал это, хотя видел ее лицо все те минуты, пока купался, злился, спал и решал свое уравнение.

Он шел через лес и думал: «Старый идиот, куда я иду? Зачем все это? Не дури и возвращайся назад. Это все не для тебя, и не надо замахиваться на то, что не состоялось! Все это смешно и жалко со стороны. Возвращайся в свой сарай, а еще лучше — соберись и беги домой».

Выходя из леса на луг, он потер щеки ладонью и сказал себе:

— И вообще надо побриться...

* * *

— Вам кого? — спросил высокий, атлетически сложенный парень; он чистил картошку, пристроившись на раскладном стульчике возле крыльца.— Катиш? Вы, видимо, тот самый дед?

— Тот самый.

— Катиш сегодня трудится. Рисует вашу прежнюю пассию, дедуля.

Серебровский едва сдержался, чтобы не сказать этому загорелому парню грубость.

«Я разозлился на него за молодость и силу,— возразил он себе,— меня ведь обидел не его тон, а спокойное превосходство силы — за ним двадцать пять лет жизни, и живота нет, и ручищи вон какие здоровые...»

— Что-нибудь передать? — спросил парень, продолжая чистить картошку. Он чистил ее неумело, срезая с кожурой много белого «мяса».

— Нет, благодарю вас,— ответил Серебровский и, повернувшись, пошел в свой лес.

Парень окликнул его:

— У вас брюки порвались.

— Я знаю.

— Чего ж не зашьете? Нет иголки?

— Есть. И нитка тоже.

...Он возвращался через лес, и было сейчас ему пусто в этом громадном, тихом лесу, и все в нем погасло, и цвета вокруг сделались жухлыми, неинтересными, и сам он себе стал противен. Он остановился около сосны, прижался спиной к ее стволу, и замер, и долго стоял так, не двигаясь, а потом он услышал какой-то странный цокающий звук, который все приближался вместе с тяжелым сопением, а после он увидел, как на поляну вышли два оленя, и понял он, что цокающий странный звук возникал, когда они сходились и начинали биться рогами. Один олень был высокий, с подплешинами на боках, с громадными ветвистыми рогами, а второй, молоденький, весь откинутый назад, пружинистый и налитой, поводил головой с маленькими еще, странной атакующей формы рогами, и наступал — медленно, осторожно, косяя синим, с кровавыми прожилками глазом.

Серебровский не заметил то мгновение, когда молодой олень бросился в атаку — так внезапен был переход от медленного к стремительному. Старик, словно опытный боксер, прыгнул в сторону в самый последний миг, когда, казалось, острые рога соперника ударят его в шею, и брызнет дымная кровь, и он падет на сломанные, хрусткие колени, а потом медленно повалится на бок.

Молодой проскочил, замер, резко обернулся и снова бросился в атаку, и старик подпустил его близко к себе, а потом отступил в сторону и ударил рогами в бок, и молодой едва удержался на ногах, развернулся и снова ринулся в бой, и на этот раз старик не рассчитал, и удар пришелся ему в лопатку, и он дрогнул, но устоял на ногах и начал отступать к лесу, а молодой протяжно затрубил, и в этом крике его была радость победы. Он наклонил голову еще ниже, спружинился и понесся на старика, и это его движение было страшным своей направленной, всесокрушающей скоростью, а старик стоял около дерева, и Серебровский даже зажмурился, представив себе, как острые рога молодого оленя пропорют старика, но странный звук заставил его открыть глаза, и он увидел, как старик медленно уходил в лес, а молодой олень мотал головой, стараясь освободить левый рог, вонзившийся в ствол дерева, и сильное тело зверя сейчас было жалким и беспомощным. Серебровский подошел к оленю, достал нож и начал вырезать кору дерева вокруг рога, вонзившегося в дерево, а потом взял рог обеими руками и начал раскачивать его, и не понял он, как полетел спиной на землю, и, больно ударившись о камень, лежавший во мху, усмехнулся: на поляне было пусто, только обваливалась кора и раскачивалась крона сосны.

«Вот старая сволочь,— подумал Серебровский, поднимаясь с земли.— Как же он обхитрил этого молодого бедолагу! Мы все, старики, такие вот хитрецы. Победить-то по всему должен молодой, и это разумно, ан — глядишь ты...»

Серебровский поймал себя на мысли, что думал он сейчас нечестно, словно бы вслух, а на самом деле ему было приятно, что старик так мужественно и хитро выиграл бой, и сделалось ему стыдно самого себя, до того стыдно, что он даже быстро огляделся, не видал ли его кто...

Он долго прикуривал, потому что дрожали руки, потом сел под деревом и вдруг вспомнил свою лекцию в Бонне. Он тогда читал в большой аудитории университета, а за его спиной была тишина, а там на скамейках сидело пятьсот студентов и профессоров, и был только сухой морзяночный перестук мелка по гладкой поверхности черной доски, растянутой, словно широкоформатный экран. А когда он кончил писать свое доказательство, раздались аплодисменты, и его провожали аплодисментами, пока он шел по коридору, а когда он спустился вниз, в него полетели гнилые помидоры и камни — у выхода стояли ребята с гуманитарных факультетов, восставшие против своих старых профессоров, связанных с нацистами, и его посчитали одним из «бизонов», и Серебровский потом сказал коллегам, что расизм приобрел теперь новую грань — возрастную. Он, впрочем, отказался потом от

этой своей формулировки, потому что талантливость предполагает доброту, прощение и в первую голову поиск своей вины прежде, чем вынести обвинение другому, а еще страшнее — другим. Он спорил тогда с собой: «Эти молодые правы, и я в конце концов могу отдать испорченный пиджак в химчистку. Обидно, конечно, когда тебя бьют единомышленники только за то, что ты рожден на тридцать лет раньше. Но они выступают против нацистов, а для них нацизм определен возрастом — те, кому за сорок, могли жечь Новгород и Орадур. Но ведь они могли — те, кому за сорок,— быть солдатами другого фронта... Видимо, в памяти молодого поколения всегда сильнее сохраняется зло или же представление о нем. Добро забывается скорей, чем зло. И это тоже правомочно: помни люди одно лишь добро, злу было бы легче, ибо добро всегда однозначно, а зло многолико, а потому опаснее. Ничего, я потерплю, и даже не обижусь на них, и даже поблагодарю их за то, что они звезданули в меня гнилыми помидорами — откуда только, черти, тухлые нашли?..»

...Серебровский вошел в свой сарай и остановился около двери: на его надувном матраце сидела Катя, обняв острые коленки тонкими руками; она смотрела на него спокойно и грустно.

— Я за вами,— сказала она.— Вы же обещали прийти, милый дедушка Шура.

4

Длинный, крепкий парень, который предлагал Серебровскому иголку, сильно пожал его руку.

— Леонид Громов,— сказал он.— А это Лида, она заикающийся товарищ, поэтому молчалива.

Девушка улыбнулась Серебровскому:

— Я з-заикаюсь только на с-согласных.

Они встретились на околице, возле маленькой церкви. Деревянные ее купола на фоне закатного неба казались стальными, настороженными.

— Католические церкви похожи на ракеты перед запуском,— сказала Катя.

— Это она хочет показаться вам умной,— пояснил Леонид Серебровскому,— так сказать, разведка боем.

Серебровский почувствовал себя неудобно, он не понимал, как можно так говорить о девушке, но Катя не обиделась; усмехнувшись, она продолжала:

— Нет, правда... Я вообще считаю, что храмы — это память людей о ракетах... После первой атомной войны в самых диких уголках планеты уцелели люди, и какой-нибудь неграмотный дед рассказывал своему внуку о ракетах, которые тогда были... А внук не мог себе этого представить, нельзя же, чтобы каждый был гением и мог представить невиданное...

— Кювье?— спросил Серебровский. Верите в теорию цикла? Все уже было? Человечество уничтожает само себя, а потом повторяет пройденный путь наново, до новой катастрофы?

Леонид обернулся к Лиде:

— Видишь, как умные люди говорят, старуха? Мотай на ус, пригодится, когда политэкономию будешь сдавать...

...Отцу Николаю было лет двадцать пять. Очень высокий, мускулистый, с пушистой бородкой, он кончал обряд крещения... Мать, немолодая, с пергаментным лицом женщина, пела вместе с Николаем безголосо, перевирая мотив, явно мешая священнику, и все время завороженно смотрела на своего ребеночка, единственного и — как объяснил потом Николай — вымоленного в этой церквушке.

Заметив вошедших, священник суетливо заторопился, слова стал произносить гнусаво и невнятно, быстро закончил обряд, сунул руку женщине; она быстро и благостно приложилась к его пальцам и хотела было сунуть деньги, но Николай строго ее предупредил, отодвинув от себя:

— В ящик, в ящик, на нужды храма, Фрося. Я не беру, сколько вас всех учить.

— Берет, сукин сын,— шепнула Катя,— еще как берет... Перед нами сейчас выкобенивается.

Когда женщина ушла, отец Николай сказал:

— Добрый вечер, живописцы. Что, продолжим наш диспут — Луначарский против Введенского?

— Продолжим,— согласился Леонид.

Катя сказала Серебровскому:

— Мы сюда как на занятия ходим: видите, как расписаны стены? Семнадцатый век... Только тогда так умели соединять красный и черный цвета.

— И сейчас на похоронах соединяют,— сказал Леонид.— Даже еще лучше.

Лида, видимо, что-то заметила в лице Серебровского и попросила его:

— Вы, пожалуйста, н-не обращайте на н-него внимания, у Лени всегда т-такой агрессивный стиль...

Отец Николай вернулся — в белой сетчатой тенниске и спортивных синих брюках. Серебровский поразился перемене, происшедшей в священнике: он сейчас был похож на борца — так сильны были его плечи, шея и руки.

— Коля, познакомьтесь, пожалуйста,— сказала Катя,— это Александр Яковлевич.

— Очень приятно.

— Ты у нас «отец»,— сказал Леонид,— а Катин приятель «дед». Сплошная преемственность поколений.

— Где соберемся сегодня? — спросил священник.— У вас или на берегу?

— Н-на берегу. Там с-сырье для шашлыка и алкоголь.

Засмеявшись, отец Николай как-то опасливо посмотрел на Серебровского.

— Я не из епархии,— сказал тот.

— Педагог? Инспектируете творческую молодежь?

— Просто-напросто отдыхающий. Отдыхаю, рыбу ловлю.

— Ах, так... А я, видите ли, судил по color сединам.

— Наша Катиш,— пояснил Леонид,— тянется к авторитетам.

— Седины — это скорее от возраста, чем от авторитета,— сказал Серебровский.— Истинными авторитетами становятся в молодости. Когда человек становится авторитетом в старости — в этом есть что-то искусственное, сделанное.

— Так вот заигрывают с незрелой молодежью,— усмехнулся Леонид и обернулся к Лиде,— ну что, марш-бросок на берег?

— Я-то на мотороллере,— сказал отец Николай,— мне бежать неловко... Паства не поймет...

— Костер там разожги, пастырь,— попросил Леонид,— чтоб искры стреляли в звездное небо.

Когда они вышли из храма, уже наступили ранние быстрые сумерки, и в высоком небе угадывался размытый серп снежного месяца.

Священник уехал на своем маленьком мотороллере, а Катя, Леонид, Серебровский и Лида пошли следом за ним по песчаной дороге, казавшейся в сосновом лесу белой и зыбкой, словно припорошенной первым осенним снегом.

Прислушиваясь к тому, как замирал треск мотора, Серебровский сказал:

— У реактивного лайнера точно такой же ритм работы, если слушать с расстояния в двадцать километров.

— Ну и что? — спросила Катя.

Серебровский смутился.

— Нет, ничего,— ответил он.— Просто я сказал, как вы меня учили,— то, что подумалось.

— Способный вы ученик,— заметил Леонид,— так уж стараетесь, так стараетесь.

— Ты обязательно х-хочешь всех рассорить,— сказала Лида.— Зачем?

— Я? Рассорить? Почему? Я говорю по методу Катиш — то, что чувствую. Вот сейчас я, например, чувствую, что надо сделать марш-бросок. А то в воду будет холодно лезть.

И, не дожидаясь остальных, он побежал по белой, зыбучей дороге, то исчезая в тени деревьев, то рельефно высвечиваясь, когда лунный свет контурно фиксировал его фигуру.

Лида побежала следом за ним, мельком взглянув на Катю и Серебровского.

— Вы можете? — спросила Катя.— Или пойдем пешком?

— Я могу. Я по восемь километров каждый день бегаю,— с готовностью ответил он.

— Трусцой, что ль?

— Ею.

— Вы хорошо отвечаете, когда злитесь... Ну, бежим?

Они побежали, и Серебровский снова, в который раз уже за сегодняшний день, подумал, что со стороны он смотрится унизительно и смешно, словно примазывается к чужому счастью. Он видел, что Катя нарочно сдерживает шаг и что бежать она может значительно быстрее, и он подумал, что вся эта спасительная медицинская трусца придумана лишь для тех, кто пропустил свою молодость, а сейчас лихорадочно старается отдалить унизительную старость.

— Можно и побыстрей,— сказал Серебровский.

— Дыхание собьете разговором,— сказала Катя.— Молча вам надо бегать, а то отстанете.

— Не отстану. Бежим скорее.

— Память у вас хорошая?

— Это вы просто так спрашиваете или станете издеваться?

— Если очень устанете — наберите мой домашний номер 161-49-22...

— Это вы зачем?

Катя обернулась, и лицо ее было голубоватым в лунном свете, а губы, казалось, были измазаны шоколадом. Она стремительно бросилась вперед, и Серебровский понял, что бегает она по-спринтерски, профессионально, и, когда она скрылась за поворотом, решил было повернуться и уйти к себе, но потом резко себя одернул: «Как старая кокетка. Если решил уходить — надо было сразу уходить, а не рассусоливать».

Когда он прибежал на берег, потеряв дыхание и вспотев, все уже купались посредине маленького заливчика, ограниченного тремя мшистыми валунами.

— Вам досталась бронза, дед! — крикнул из темноты Леонид.— Мы тут посоветовались и решили не вбивать клин между поколениями: Лида и Катиш уступили вам третье призовое место. Плавать умеете?

— Только вдоль по бережку,— ответил Серебровский.

— Здесь хорошее дно,— сказала Катя, подплыв к валуну.— Ныряйте, тут хорошо нырять.

— Я лучше отдышусь,— улыбнулся Серебровский,— а заодно шашлык отлажу.

Он отошел к костру и поднял крышку кастрюли. Мясо было чуть обрызгано уксусом; помидоров, лаврового листа и перца не было.

Серебровский вспомнил, как он готовил свой фирменный шашлык на даче, когда у него собирались друзья на день рождения,— вымоченный в красном вине, пересыпанный сунели, которую присылали из Тбилиси его ученики. Этот шашлык был символом праздкества. Друзья по академии съедали по кусочку, от силы по два, выпивали по бокалу морозного «кахетинского» и разбредались по даче — договариваться, спорить, решать вопросы, иногда вспоминать былое, да и то уже в конце, перед разъездом.

«Мой шашлык,— вдруг понял Серебровский,— был лишь поводом для быстрого решения дел — можно договориться напрямую, минуя бюрократов. А здесь ребята собрались поесть и повеселиться. Им неважно, что шашлык из говядины и без специй. Важно, что есть несколько кусков мяса, много хлеба, костер и море. Им все мои шашлычные церемонии ни к чему. Молодому человеку и такой шашлык в счастье, а я раб дела, и я не могу сказать о моем деле «будь оно проклято» и никогда не смогу этого сделать».

Серебровский нарезал несколько ивовых веток, очистил кору, нанизал мясо и раскидал костер так, чтобы угли легли ровной черно-красной площадкой.

— Александр Яковлевич,— снова позвала его Катя,— да будет вам! Идите купаться, вода, как молоко!

— Добавь — парное,— хмыкнул Леонид.— Тогда ты будешь до конца оригинальной.

— А кто дальше пронырнет?! — крикнул священник.— Я тут до вас тренировался. Рекорды ставил! Жаль, акул нет, я бы повторил сюжет Олдриджа: отец, сын и подводное плавание.

— Сначала сына заведи,— сказала Катя.— А у тебя и матушки нет.

— Нашел бы он себе матушку, перестал бы служить батюшкой,— сказал Леонид.— За попов нынче одни аферистки идут.

Катя плеснула в него водой, отец Николай, поднырнув, схватил Леонида за ноги, и они начали смешливо дурачиться в воде: то ходили по дну на руках и делали стойку, то подбрасывали с рук Лиду и Катю, потом носились друг за другом наперегонки, выскакивали из воды, карабкались по громадному валуну на вершину, ныряли оттуда в темно-зеленоватую жуть ночного залива, а Серебровский сидел возле костра, обжаривал шашлык и вспоминал май сорок пятого, когда вот так же кругом все смеялись, кричали и пели, а он сидел на кладбище в Рансдорфе, на могиле Лены Ивановой, которую убили в последний день войны. Серебровский был влюблен в Лену, краснел, когда смотрел на нее, и над этим всегда потешался младший лейтенант Мерзоев из седьмого отдела — ему было тридцать пять лет, и он казался тогда Серебровскому стариком, и он жалел Лену, которая приходила к Мерзоеву по ночам...

5

— Еще бы мясца-то,— сказал Леонид, обгладывая маленькую кость.— Хорошо мясо... Браво, Александр Яковлевич, браво! Благодарим от лица службы... Не пропадете при возможных жизненных переменах — поваром будете.

— Я в Москве угощу вас настоящим шашлыком,— пообещал Серебровский и придвинулся еще ближе к костру.

— Про Москву не надо бы,— сказал Леонид.— Это переводит наши отношения в разряд курортных знакомств: «Обязательно соберемся, вот мой рабочий телефон, звоните, жена будет рада!»

— Чего вы такой ершистый?

— От характера,— ответила Катя.— И от папы. У него папа — щука, а он пока что ерш.

— У меня папа акула,— поправил ее Леонид.— Не лакируй действительность, не надо.

— Все время пикируются,— обернувшись к Серебровскому, сказал священник.— Словно на диспуте католика и мусульманина.

— Вот-вот,— согласился Леонид.— В корень смотришь, батюшка Николаша. А посему отпусти грехи, милый!

Он сделал глоток из бутылки, лицо его перекосило, он долго дышал горбушкой, тряс головой, а потом сказал:

— Не водка у нас, а дурман для трудящихся. Такой водкой можно убить даже импрессионизм: все цвета на один лад — серое с зеленоватым.

Лида включила транзистор. По «Маяку» передавали музыку из оперетт.

«Двадцать второго июня тоже все утро передавали танцевальную музыку и арии из оперетт,— почему-то вспомнил Серебровский,— дуэты Михаила Качалова и Татьяны Бах. Смешно: Качалова помнят мхатовского, а фамилия Бах связана навечно с церковной музыкой. Так всегда: мы рабы установившихся представлений. Во всем. Откуда это? От школы? Видимо. Наша метода школьного преподавания неправомочно авторитарна: «Только так и никак иначе». При такой системе застенчивый гений может остаться непроявившимся, а натренированный исполнитель чужих замыслов вправе сделаться эталоном для подражания. Надо детей, начиная с первого класса, информировать о прошлом, приглашать к рассуждению о настоящем и знакомить с самыми разными прогнозами на будущее. Для школ надо выпустить «Справочник данностей». Против «дважды два» не попрешь, а что касается методов доказательства теоремы, то здесь в недалеком будущем возможны самые различные варианты».

— Пошли потанцуем? — предложила Лида Серебровскому.— А то грустно стало.

— Скажи на милость,— сказала Катя, не отводя глаз от костра,— целую фразу махнула, и ни одного заикания: это значит танцевать человеку охота.

— Она с ним, а ты со мной,— сказал Леонид и, быстро поднявшись, взял Катю за руку, и они начали быстрый танец.

Серебровский улыбнулся Лиде:

— Вы уж простите меня, я танцевать не умею, сколько ни учился...

«А улыбка-то у меня вымученная получилась»,— подумал он, наблюдая за тем, как Леонид перебрасывал Катю с руки на руку, как он властно вертел ее вокруг себя и как он смело брал ее за плечи, привлекая к себе, а потом лениво отталкивал, чтобы через мгновение снова приблизить.

— Красиво танцуют,— сказал отец Николай.— Я недавно прочел в «Комсомолке», что францисканцы теперь пляшут вместе с молодой паствой шейк и хали-гали, и удивился, а теперь понял: они правы, они умно себя ведут. Сейчас контакт с аудиторией одним лишь глаголом не наладишь.

— Архиерей вас сожжет, как еретика,— сказал Серебровский,— начни вы эдак отплясывать с паствой.

— В архиереях ли дело? Они теперь все с ярмарки...

— Простите мой вопрос,— сказал Серебровский и закурил.— Вы сами-то верующий?

— Я работаю,— помолчав, ответил отец Николай.— Священник — это сан, работа, как говорится... А вера, если она существует, должна быть сокрыта, как у древних римлян...

— Н-нет, а правда, Коля, ты верующий?

— Лидочка, какое это имеет значение в конце концов? Это уж если откровенно... Людей я не обираю, водку не жру, газеты читаю...

— Ц-цинично это, Коля.

— В какой-то мере, Лидочка, в какой-то мере. Я не спорю... Я воспитывался в семье у деда, он был дьяконом в Якутии. Потом он умер, и мы очень голодали. Мои сестры смогли кончить медицинский и педагогический, потому что я поступил в духовную академию...

— К-крестить, не веруя,— сказала Лида задумчиво,— такого еще не было в мире.

— И это пройдет,— ответил ей отец Николай,— все пройдет, Лидочка.

Серебровский теперь, не таясь, смотрел на Катю и Леонида. Они танцевали все быстрее, и он диву давался, как они чувствовали музыку, угадывали изменение ритма, как они понимали друг друга и как точно корреспондировались их движения. Серебровский подумал, что, если их движения рассчитать поврозь, то они будут исключать друг друга, но, сложенные воедино, они, словно чудо, рождали литое целое, выверенное и логичное — ничего лишнего, словно хорошая математическая фраза с единственно возможным решением.

— Эй, Николашка,— крикнул Леонид,— францисканец! Давай с нами! Лидуня, возьми шефство над архиереем!

И они стали танцевать вчетвером, но не парами, а все вместе, и отец Николай танцевал так же раскованно и точно, как и все остальные, и было это ему, видимо, не внове, а Серебровский сидел возле костра и ворошил угли, ставшие траурными, черно-красными.

«Глупо все это,— продолжал думать он,— все глупо, а самое глупое — это мое унылое, трусливое самокопание. Наверное, и не Катя меня тянет, потому что, когда Мерзоев был с Леной Ивановой, у меня сердце разрывалось

и тоска была смертная, а сейчас мне просто грустно, особенно когда я гляжу, как этот парень командует ею. Наверное, меня тянет к ним страх перед временем, которого у меня осталось так мало».

Катя села к нему и тихо спросила:

— Хотите, мы сейчас уйдем к вам?

— Это же неудобно, тут ваши знакомые...

Катя смотрела на него какое-то мгновение по-прежнему добро и странно, а потом ее глаза сделались злыми, как в первую минуту их знакомства, и, до обидного снисходительно хмыкнув, она легко поднялась и вернулась к товарищам, которые учили отца Николая танцевать какой-то новый танец.

6

...Серебровский добрался до дома лишь в начале шестого. Заспанная лифтерша отдала ему толстую связку газет, журналов и писем, которые пришли домой в его отсутствие, и, зевнув, вернулась в свою каморку за лифтом.

Приняв ванну, Серебровский побрился и, переодевшись, ушел из дома.

Он сумрачно поздоровался с вахтерами, удивленно посмотревшими на него, сумрачно пересек громадный асфальтовый двор опытного завода, миновал еще одного вахтера и оказался в своем КБ. Дежурный по первому этажу отдал ему ключ от кабинета, тоже удивленно посмотрев при этом на Серебровского, и Серебровский даже задержался на мгновение перед большим зеркалом, чтобы посмотреть, все ли у него в порядке с туалетом. Он отпер дверь, на которой была укреплена черная с золотым дощечка: «Генеральный конструктор, академик Серебровский А. Я.»,— миновал большую секретарскую приемную, вошел в свой небольшой кабинет и сразу же включил селектор. Он хотел немедленно включиться в работу, чтобы исчезло то ощущение тяжести и пустоты, которое преследовало его все то время, когда он ушел ночью от костра, и пока шел к себе в сараюшку, и пока складывал спиннинг и рюкзак, и пока добирался на попутной машине до аэродрома, и пока летел в Москву. Все это время перед ним стояло лицо Кати, и он гнал от себя это видение и боялся, что оно исчезнет — как хорошая музыка в приемнике, которая кончается, и кажется, будто никогда такой мелодии больше и не услышишь.

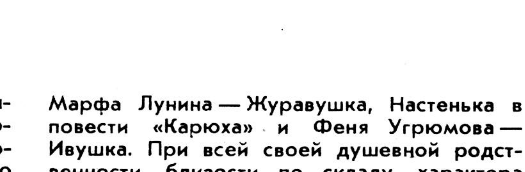
— Начальников отделов и главных конструкторов прошу зайти ко мне,— хмуро сказал Серебровский в микрофон селектора, но никто ему не ответил, как было принято, и он решил, что плохо нажал кнопку, и повторил еще раз свою просьбу немедленно прийти к нему ведущих работников его конструкторского бюро, но снова в селекторе была одна лишь шершавая тишина, и тогда он взглянул на часы и увидел, что еще только семь тридцать, и никого сейчас здесь нет и не может быть.

Серебровский отошел к большому окну и прижался лбом к стеклу. Он смотрел на громадные корпуса опытного завода, на стеклянные дома лабораторий и думал, что это его детище, которому он отдал четверть века, половину всей жизни, сейчас мстило ему — холодно и отстраненно.

«Я всегда торопился,— думал он.— Я очень торопился делать мое дело, и поэтому терял время, а скорее всего попросту его не заметил, а это время невосполнимо, ничем не восполнимо, и, видимо, оно-то, это невосполнимое время, и определяет человеческое счастье — в полной мере...»

Он закурил, долго, пока не ожгло ногти, держал спичку, потом осторожно положил ее в большую деревянную пепельницу и вдруг явственно услыхал Катин голос, чуть хрипловатый, насмешливый; он подумал, что сейчас увидит ее так же явственно и близко, как слышался ему голос девушки, но он не увидел ее — ему помешали цифры. Он было рассердился на себя, но потом понял, что эти семь цифр очень нужны ему, и он, усмехнувшись, сказал вслух:

— Сто шестьдесят один, сорок девять, двадцать два.

ЭПОС НАРОДНОГО ПОДВИГА

Замечали ли вы, что писательские рецензии на книги или заметки о творчестве своих собратьев по литературному труду особенны и специфичны, а потому заметно выделяются среди критических работ? И не только складом художнического мышления (вопреки аналитическому у критика), но и откровенной пристрастностью, за которой чаще всего угадывается оценка созданного самим собой. Причем это не стремление высказаться по поводу себя, хотя бывают и такие прецеденты. В заинтересованной и серьезной оценке творчества товарища по перу естественно выявляется творческий опыт писателя, его художническая практика, а стало быть, слова о творчестве другого неизбежно несут в себе и автохарактеристику.

И когда сегодня знакомишься с двухтомником известного советского писателя Михаила Алексеева, вышедшим в 1972 году в издательстве «Художественная литература», вспоминаются его слова об Александре Довженко: «Всем его созданиям можно легко подыскать одно общее имя — Земля.

То теплая и влажная, курящаяся паром, исполненная нетерпеливой жажды материнства; то охваченная огнем и полымем, задыхающаяся в чаду и копоти; то вновь ожившая, вся в буйном, шальном цветении; то опять в гейзерах взрывов, в дыму, в заревах все пожирающих пожарищ, и все-таки вечно живая, жизнежаждущая и жизнетворящая — такой она предстает перед нами в довженковских произведениях... Художник видел ее и в горе и в радости, была она к нему и ласковой, была и суровой, и ни разу он, сын и малая частица ее, ни разу не изменил ей».

Разве не ощутима в этих словах о «Земле» Довженко «Земля» самого М. Алексеева? Разве не сыном и не частицей ее предстают перед нами любимые герои писателя и сам он как герой-рассказчик в лирических повестях «Дивизионка», «Хлеб — имя существительное» и в жемчужине советской прозы 60-х годов — повести «Карюха»?!

Возникшее ощущение совпадения образа Земли в ее философско-художественном понимании в творчестве двух мастеров отечественной литературы переходит в уверенность по мере знакомства с каждым новым произведением М. Алексеева и, наконец, с его «Избранным». Произведения, собранные в двухтомник, а также роман «Солдаты» и повесть «Наследники», которые не вошли в него, очерчивают границы алексеевской «Земли» в огромных пределах русской советской прозы. Географически эти границы связаны с жизнью земляков родной Саратовщины, а художественно-обобщенно они вмещают в себя жизнь всего родного народа на долгом и многотрудном его пути к свободе, к счастью.

Запечатлев большой исторический отрезок времени в жизни страны, произведения эти не предстают хроникой событий, летописью происшедшего или происходящего. И прежде всего потому, что автор не просто описывал события, а выявлял судьбу народную в конкретных образах героев времени.

Такими героями своего времени предстают Михаил Харламов и Федор Орланин в романе «Вишневый омут», Аким Акимов и Николай Зулин в повести «Хлеб — имя существительное». Но с еще большей откровенностью время выявляется в судьбах алексеевских героинь. Это Ульяна Короткова и Фрося Рыжова, прозванная Вишенкой, Марфа Лунина — Журавушка, Настенька в повести «Карюха» и Феня Угрюмова — Ивушка. При всей своей душевной родственности, близости по складу характера каждая из них — дочь именно своего времени.

Лирик по природе дарования, М. Алексеев в то же время воспринимается и как художник-философ, эпик по складу своего постижения жизни народной. И тут нет никакого противоречия, ибо в основе его философии — опыт прожитого и пережитого им самим, поколением, народом.

Художник, кровно связанный судьбой своей с народом, не мог не отразить в книгах его исторический подвиг. Потому-то собранные в двухтомник романы, повести и рассказы Михаила Алексеева отчетливо видятся теперь все вместе целостным и единым эпосом народного подвига, который складывался из героических деяний соотечественников. Совершивший подвиг вносил свою долю в копилку народного счастья. Одни, как Михаил Харламов, вместе с корчеванием пней и деревьев под сад на берегу омута в Савкином Затоне корчевали зло в жизни своей деревни; другие, как бывший черноморский матрос Федор Орланин, вместе с партией поднимали народ на борьбу, чтобы выкорчевать из жизни всякое социальное зло и утвердить человека на земле ее хозяином.

Свой подвиг совершают в годы коллективизации и в годы Великой Отечественной войны герои «Вишневого омута» и «Дивизионки», герои рассказов писателя. Принимают эстафету его те, кто после войны поднимал разрушенное хозяйство, кто не покинул деревню в самые трудные для нее годы, оставаясь на боевом посту хлебороба и землепашца. Таковы многие жители села Выселки — знаменитый дед Капля — Кузьма Никифорович Удальцов, Матрена Дятлова, Аннушка Сулимова, Пашка Антипов и многие другие в повести «Хлеб — имя существительное».

В подвиге человек с наибольшей полнотой выявляет свое «я» среди общего «мы» и в то же время неразрывно связывает с этим «мы» свое «я». Идея социальной общности, связующая людей в коллектив, особо обострена в произведениях М. Алексеева, ибо каждый раз его герои решают такие исторически важные задачи, которые не по плечу одиночкам, немыслимы вне великого единения людей.

Идейно-тематическое единство всего созданного за четверть века работы писателя в литературе, конечно же, обусловило и единство художественного мира М. Алексеева, включая неповторимость, самобытность его стилевой и стилистической манеры.

Его проза насквозь пронизана светом. В утверждении на земле добра видят основной смысл своей жизни любимые герои автора, во имя этого они и совершают свои подвиги. Эти люди привлекали и привлекают внимание писателя, становились и будут становиться героями его произведений. «Сеятель и хранитель, иными словами, хлебороб и воин — вот герои моих написанных и еще не написанных книг, — признается Михаил Алексеев в заключение небольшого предисловия к двухтомнику. — И уверен, что они более чем достойны быть нашими героями. Важно, чтобы мы-то, пишущие, были достойны их великого ратного и трудового подвига».

Бор. ЛЕОНОВ

В. П. Марецкая и Ю. А. Завадский.

Вл. ПИМЕНОВ

КАКОВО АМПЛУА МАР

Вера Петровна Марецкая — актриса, которой подвластно все: высокая трагедия и водевиль, психологическая драма и легкая комедия, глубинные переживания русской женщины, как, впрочем, и чувства женщины любой страны. Она грациозна, как француженка, серьезна, как англичанка, она проста и величественна, скромна и шикарна, естественна и лукава, весела и печальна; она... Но что дают эти перечисления! Марецкая неисчерпаема...

Если искать **олицетворение театральности** — душу театра, мы бы назвали Марецкую. Человек насквозь театральный, она без сцены, вне сцены не существует, хотя играет и в театре и в кинематографе...

Каково амплуа Марецкой? Кто она, драматическая героиня или комедийная актриса?.. Риторический вопрос! Марецкая собрала в себе, в своем даровании все лучшее, что дают традиции русской актерской школы и что дает артисту опыт крупнейших мастеров мира.

Бьющая через край эмоциональная стихия, открытая навстречу зрителям. Творчество — здесь же, при сотнях и тысячах глаз возникающее. И вместе с тем четкая, во всех деталях отработанная форма, выверенные интонации... Горячность переживаний и рациональность представления — эти вечно враждующие актерские манеры органически соединились в игре Марецкой: она потрясает вас лавиной чувств и твердым, уверенным мастерством. Едва только мы перестанем верить, что перед нами актриса, едва лишь почувствуем силу ее переживания, как она возвращает нас к театральности, к точности и яркости прекрасного мастерства...

Вера Петровна Марецкая вышла из вахтанговской школы. И этот отпечаток радостной, щедрой импровизационности, **игры** навсегда остался в ее творчестве. Но актриса сумела соединить искристое веселье, буффонное начало своего таланта с глубоким психологическим анализом характеров своих героинь.

Мимолетным считается актерское мастерство... Мгновенно, в нынешний же вечер, гибнет оно, едва родившись... Как его сохранить?

Народной памятью, народным мнением...

В чем признание актера? В чем счастье художника?.. Да в том, чтобы созданное им не уходило с окончанием спектакля, чтобы народная память сохраняла образы, отождествляла сценические персонажи с реальной человеческой жизнью.

Лучшие роли, сыгранные Марецкой, удостоились такой счастливой и редкой судьбы. Став нарицательными, они вошли в круг наших близких знакомых и друзей... У них ищут помощи, спрашивают совета...

Мы навсегда запомнили Марецкую в образе крестьянки Соколовой в фильме «Член правительства», вышедшем на экран в 1940 году.

Актриса воплотила в нем типические народные черты, вернейшие приметы нового, советского времени и в то же время неповторимую индивидуальную судьбу... Судьбу сотен и тысяч женщин, прошедших светлый, но нелегкий путь от старой деревни к вершинам государственной деятельности.

Лицо Марецкой, ставшее лицом Соколовой, вошло в наше сознание: открытое русское лицо с веселыми глазами и печально припухшими губами, с усталыми морщинками и лукавством неистребимой молодости... Лицо вроде бы и не бросающееся в глаза, каких много, — лицо прекрасное!... Всегда помнятся эти волосы на прямой пробор, с круглым гребешком, полушалок, тесно сведенный на груди; большие, привыкшие трудиться руки; горькие, искренние слезы... Все стало родным, личным, неуходящим.

Символом времени, времени великих побед и свершений, торжества раскрепощенного духа стала

«Вдова полковника».

«Дали неоглядные».

«Орфей спускается в ад».

ЕЦКОЙ

в исполнении Марецкой сцена в Кремле, когда на трибуну поднималась ее Соколова — вчерашняя бесправная крестьянка, а ныне член правительства. Могут забыться слова, которые обращала в зал героиня Марецкой. Но никогда не забудется ее лицо. Не забудется атмосфера кремлевской торжественности, соединяющаяся с духовным торжеством всех простых людей страны.

А как закономерно было появление Марецкой в роли одной из героинь Отечественной войны в фильме «Она защищает Родину».

Особая закономерность состояла в том, что тут как бы уже не просто сама актриса получила новую роль, но ставшая в канун войны членом правительства Соколова пошла защищать свою великую Родину... Марецкая уже **воспринималась** Соколовой... И что бы ни играла потом актриса, это именно Соколова продолжала в ней свою удивительную судьбу.

Как бы венчая цикл ролей Марецкой, ролей огромного гражданского наполнения, возникла недавно на сцене Театра имени Моссовета новая работа актрисы. В спектакле-композиции из стихов и поэм Некрасова «Золото, золото — сердце народное» Марецкая создает обобщенный образ русской женщины, матери-Родины. И здесь, словно в фокусе, собрано все лучшее, что сделала актриса на своем долгом и благородном пути...

Вот уж и хотелось бы закончить небольшой наш рассказ о ролях Марецкой, равных роли Соколовой в фильме «Член правительства». Но как не вспомнить еще одну великолепную работу актрисы—в «Далях неоглядных» Н. Вирты!

Там Марецкая сыграла роль женщины, озабоченной большими общественными проблемами; перед ней стояла трудная дилемма — пришла любовь, а ее приходилось в чем-то ломать — другое тревожило: нужно было поднимать пошатнувшийся, слабый колхоз... Две тонкие березовые жердочки разделяли Ракитину и ее любимого; жердочки то и дело падали... Ракитина — Марецкая поднимала их и снова пристраивала на место: пусть существует хоть эта эфемерная, мнимая преграда, сейчас надо было только о деле думать!..

Дело и было главным, но, когда о нем говорила героиня Марецкой, все согревалось каким-то особым, скрытым обаянием; не было ни натянутости, ни официальности; не замечались даже и просчеты драматургии; сильная и красивая женщина радовала и покоряла, очаровывала вас...

У истоков же всех этих ролей стоит афиногеновская Машенька, на той же сцене сыгранная Марецкой...

Вся жизнь актрисы связана с Театром Моссовета. Вера Петровна не знает внезапных переходов из коллектива в коллектив, смены режиссерских почерков, творческих привязанностей... Судьба актрисы определилась сразу и навсегда: это Театр имени Моссовета; это режиссер Ю. А. Завадский; это характеры современниц, сильные характеры, рожденные временем.

Завидное постоянство, в чем-то определяющее и путь и облик художника!.. Не разбрасываясь, не размениваясь, не оставляя частичек души на разных сценических площадках, актер может сделать и делает больше: теснее его контакты со своим зрителем...

Итак, Машенька... Знаменитая Машенька, созданная отныне как бы двумя художниками — драматургом Афиногеновым и молодой актрисой Марецкой... Худенькая девочка с загибающимися кверху прутиками косичек, она ломала характер и привычки своего прославленного деда, академика Окаемова; она помогала взрослым яснее понять, где зло и где добро; рядом с ней гасла ложь, терялась фальшь... Машенька Марецкой, девочка-школьница, уже была исполнена той гражданственности, которая позже отчетливо сформирует образ Соколовой, затем партизанки Лукьяновой... Любимый образ Марецкой стал любимым и для сотен и сотен зрителей...

И другая сторона дарования Марецкой — комедийного, гротескового, искрящегося иронией, веселостью, сатирическим гневом и лирическим пафосом... Та же актриса, которая горячо утверждает лучшую сторону души человека, страстно развенчивает худшее, что есть в той или иной натуре совсем других ее «героинь».

Романтические взлеты свободно чередуются у Марецкой с острым разоблачением обывательской морали; актриса ненавидит мещанство, быть может, сильнее всего. Яростно она клеймит обывательщину всех веков, стилей и мировоззрений.

Неподражаема Марецкая в заглавной роли госпожи министерши в комедии Нушича. Тут запомнились и конкретные комедийные ситуации, сыгранные Марецкой, и обобщения, вытекающие из этой роли. Обыватель в быту непременно окажется и в политике пустым, недалеким человеком. Нет двух разных людей — дома и в обществе. Мещанин остается мещанином всюду!..

Поначалу трудно было понять, кто вообще может сыграть острейший сатирический монолог, каким, по существу, и является пьеса Ю. Смуула, где высмеивается современная мещанка, не знающая, куда от безделья девать себя, использующая высокое положение мужа в глупых своих целях... Но когда в этой роли на сцену вышла Марецкая, стало понятно: да, именно она, и только она, может сыграть полковницу, эту вздорную хищницу, столь сильно и зло... Мещанка, выведенная Смуулом в пьесе «Вдова полковника»,— враг Машеньки, Соколовой, Лукьяновой, Ракитиной...

Потрепанная рыжая лиса, надетая на вечернее красное бархатное платье, в котором мещанка, разоблачаемая Марецкой, является на прием к врачу, в магазин, в учреждение, тоже удивительно остро «обыграна» актрисой. И у лисы и у обывательницы одинаково злобные и хитрые глазки; мелкие, хищные зубки словно созданы для того, чтобы грызть, хватать сладкие куски...

Удивительна Марецкая в водевиле, стихию которого, озорную и веселую, непритязательную и поучительную, она чувствует, как никто...

Она везде событийна.

Сегодня актриса в расцвете творческих сил. Каждая встреча с ней на экране, на сцене, в концерте — огромная зрительская радость.

РОСТИСЛАВ ПЛЯТТ И ЕГО ГЕРОИ

Инна **ВИШНЕВСКАЯ**

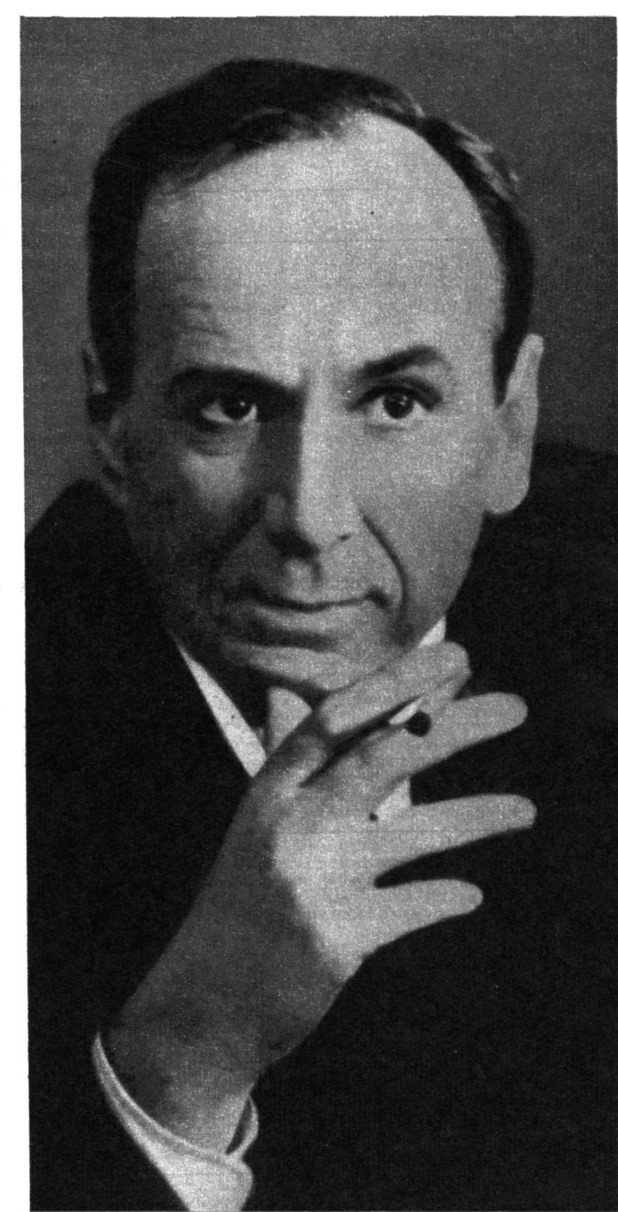
Писать об актере Театра имени Моссовета Ростиславе Яновиче Плятте огромное удовольствие! Удовольствие потому, что Плятт не только превосходный современный артист, но еще и неповторимая человеческая и художническая индивидуальность. Никто не умеет сегодня так изящно, так артистично, с таким тонким и абсолютным вкусом представлять театральную Москву, как Ростислав Янович Плятт.

Обратите внимание — кого видите вы чаще всего приветствующим творческих гостей Москвы — артистов, художников, режиссеров братских республик, зарубежных стран? Ростислава Яновича Плятта! Кто, гостеприимный, оживляющий все и вся хозяин Центральной гостиной Всероссийского театрального общества, откуда ведутся праздничные передачи на телевидении, кто мастерский организатор и вдохновитель телевизионных «Голубых огоньков»? Ростислав Янович Плятт.

Может быть, у него есть свободное время, может быть, он мало занят в театре, в кинематографе? Сама постановка вопроса нелепа! Количество ролей, сыгранных Пляттом в театре и кинематографе, огромно. Это — население почти целого города: люди разнообразные, интересные, они порождены воображением одного человека — артиста...

У Ростислава Плятта, где бы он ни был, всегда есть желание создавать вокруг себя театр. Он в высшей степени театральная личность. Игра — его стихия, его форма общения с людьми. Он серьезен и в то же время весел, он весел и в то же время печален. Там, где Плятт, сыплются искрометные шутки, перебивае-

«Дали неоглядные».

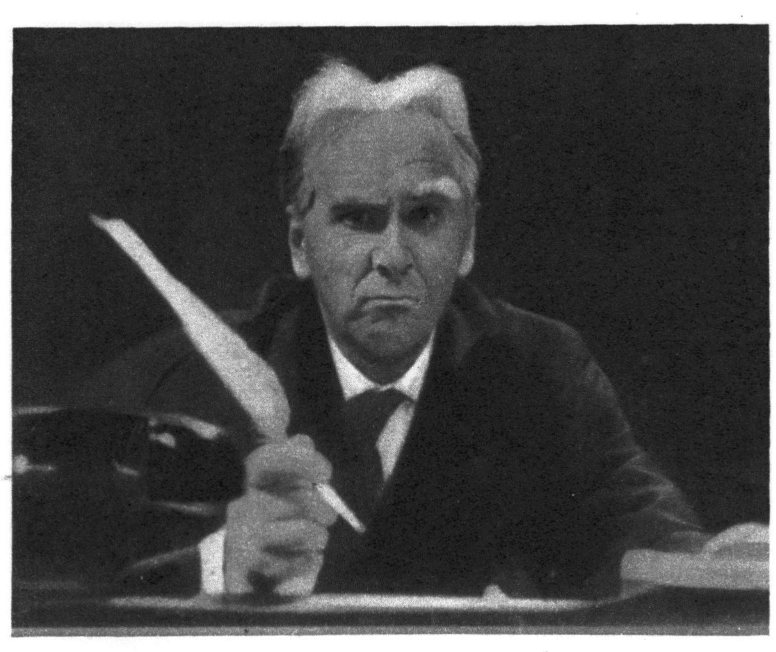

мые глубокими рассуждениями о современном театре, и каждая встреча с Пляттом — это встреча с целым театром, театром характеров и настроений, философией и комедией, театром оригинального мышления, острого юмора, серьезных познаний жизни.

В сегодняшнем Плятте можно увидеть черты таких замечательных художников, игравших не только на сцене, но умеющих всех вовлекать в круг своих ярких, творческих интересов, распространяющих атмосферу внутренней интеллигентности, щедрого лицедейства, как Москвин, Качалов, Хенкин...

Плятта, как и их когда-то, знают все москвичи. Они узнают его в лицо, когда он, величественный и красивый, простой и значительный, не спеша спешит в театр, на телевидение, во Всероссийское театральное общество, на съемки очередного фильма... Москвичи знают его «актерскую» палку с тяжелым набалдашником, его и печальные и смеющиеся глаза, его шляпу с жесткими полями, которую носят не артисты, но люди «строгих» профессий — дипломаты, ученые, математики. Кстати, даже это соединение веселого актерства и серьезной солидности ученого во внешнем облике Плятта очень точно передает существо его внутреннего мира. Актер Плятт любит и знает историю советского театра, бережно собирает и анализирует критические статьи, посвященные режиссерским течениям, актерскому мастерству. Глубоко образованный человек, Ростислав Янович Плятт продолжает лучшие традиции того демократического русского актерства, которое, по слову Белинского, служило для молодежи вторым университетом, богатейшим кладезем познаний и уроков жизни.

Мы встречаемся с Пляттом не только в театре и кинематографе. Его бархатный, иронический, вдумчивый, толкующий, веселящий, тревожащий, светлый и грустный голос узнаем мы с самого раннего утра по радио, когда в эфир выходит «Клуб знаменитых капитанов» или еще какая-нибудь передача, где занят Ростислав Янович.

«Милый лжец».

«Цезарь и Клеопатра».

«Бунт женщин».

Интересно, что Плятт часто выступает на сцене, на радио в образах тех или иных писателей прошлого, будь то Шоу или Жюль Верн, Лавренев или Всеволод Вишневский... Часто выступает он и «от автора» в таких, скажем, спектаклях в Театре имени Моссовета, как «Дали неоглядные» или «Летом — небо высокое»...

Случайное ли это обстоятельство, что актер неоднократно выходит на сцену в ролях конкретных исторических персонажей — писателей разных эпох? Думается, нет. И здесь есть нечто общее у Плятта с Качаловым — особая душевная интеллигентность, позволяющая артисту постигнуть ход писательской мысли, движение другого вида творчества — литературного...

Можно ли рассказать обо всех ролях Плятта? Вряд ли; да и зачем?.. Вероятно, важнее другое — попробовать определить самое зерно его актерского таланта, существо его актерской индивидуальности.

Лучше всего подошла бы здесь знаменитая гоголевская формула «смех сквозь слезы». Обличая, Плятт всегда помнит о светлых сторонах человеческой души, воспевая, он никогда не теряет иронии; ему чужда голубая сентиментальность, ему претит и обнаженная сатирическая манера. У Плятта мы не встретим ни чистой сатиры, ни чистой мелодрамы; лишь в органическом и талантливом сплаве они дают мастерство актера — Плятта, сердцеведа и сатирика, доброго учителя жизни и гневного обличителя пороков.

Все, кто когда-либо видел Плятта в ролях фон Ранкена из «Дней нашей жизни» Л. Андреева, Крогстада в «Норе» Ибсена, сразу же поймут, о чем идет речь!.. Он играл людей вовсе не идеальных, более того — изломанных, сложных, клином врезающихся в чужую жизнь. Но как же не хотелось расставаться с этими людьми в исполнении Плятта! Как заинтересовывали они умом и иронией, какой-то угадываемой трагедией в прошлом, погубившем их настоящее, как значительны были чувства этих в общем-то незначительных людей... Плятт анализировал, объяснял, помогал понять человеческое в человеке.

Нерасторжимо связано имя Плятта с советской драматургией, горячим пропагандистом которой он всегда был и остается. И первая удача на этом пути — роль ученого Бурмина в пьесе К. Симонова «Парень из нашего города», показанной перед самой войной в Театре имени Ленинского комсомола. Актер играл не просто рассеянного профессора, ставшего мужественным борцом с фашизмом. Плятт рассказал в своем Бурмине об интеллигенции, ненавидящей насилие; о душевной деликатности, чуждой войне; о человеке, далеком от армейской дисциплины и ни секунды не раздумывающем перед тем, как идти в бой, первым принять смерть...

А затем был старый большевик Раевич в «Шторме» Билль-Белоцерковского, чудак и романтик... В нынешней редакции «Шторма», поставленного Ю. Завадским, Плятт сумел сделать нечто большее, чем просто сыграть роль старого революционера. Он, играя Раевича, глубже объяснил и образ главного героя — председателя укома и самое название пьесы «Шторм». Революционная работа, как понимает ее председатель укома, работа напряженная, прозаическая, взмывает к звездам, когда рядом оказывается Раевич Плятта. Актер играет олицетворение Шторма. Играет шторм радости, народного ликования, оптимизма великой победы, которую не сломят ни тиф, ни голод, ни белые банды. Романтический накал игры Плятта, сочетаясь с трезвыми заботами председателя укома, и дает новой редакции «Шторма» на сцене Театра имени Моссовета ту окрыленность, которая составляет специфику этого спектакля.

А сравнительно недавно мы видели Плятта в незабываемом дуэте с Раневской в спектакле «Дальше — тишина». Немудрящая западная мелодрама, возможно, и не обратила бы на себя внимания зрителей, не будь в ней этого замечательного дуэта Плятта и Раневской.

Плятт играет старого, обнищавшего дельца, когда-то владевшего состоянием, а потому уважаемого своими детьми. Теперь он растерял деньги, а значит, и любовь детей... Вот он говорит о своей жизни, говорит скорбно, мучительно, понимая, что все кончено. Зал замирает. Плачут все, кто давно уже не плакал, и это прекрасно, когда в театре плачут, — ведь очищение не только в смехе, но и в слезах, смывающих пошлость, душевную заскорузлость... Но актер Плятт не может затрагивать лишь одни струны души, оставляя другие втуне. Несколько иронических пляттовских интонаций, и зал понимает, что человек этот не только жалуется, но и осуждает, начинает прозревать, видит за несправедливостью детей несправедливость капиталистических порядков, где цена человеку — деньги.

А за трагикомическими ролями вновь и вновь вспоминается Плятт веселый, Плятт сатирический.

Фаина Раневская и Ростислав Плятт в филье «Весна» — дуэт, равный многим классическим комедийным дуэтам из современного кинематографа. «Где бы ни работать, лишь бы не работать» — этот "девиз" героя Плятта из фильма «Весна» надолго стал сатирически-летучим именно благодаря пляттовской интерпретации. Речь шла не о мелком бездельнике, но о целой философии бездельника, захребетника, не исчезнувшей окончательно и сегодня, когда подчас мнимая деятельность, раздутая до грандиозных масштабов, уже воспринимается истинной, необходимой...

В сатирическую «хрестоматию» вошла и такая роль Плятта, как Нинкович в «Госпоже министерше» Нушича, — великолепная пародия на продажное политиканство, на неутолимый карьеризм.

И сегодня Плятт снова на сцене. Снова деятелен, озабочен. Снова обуреваем близкими и дальними планами.

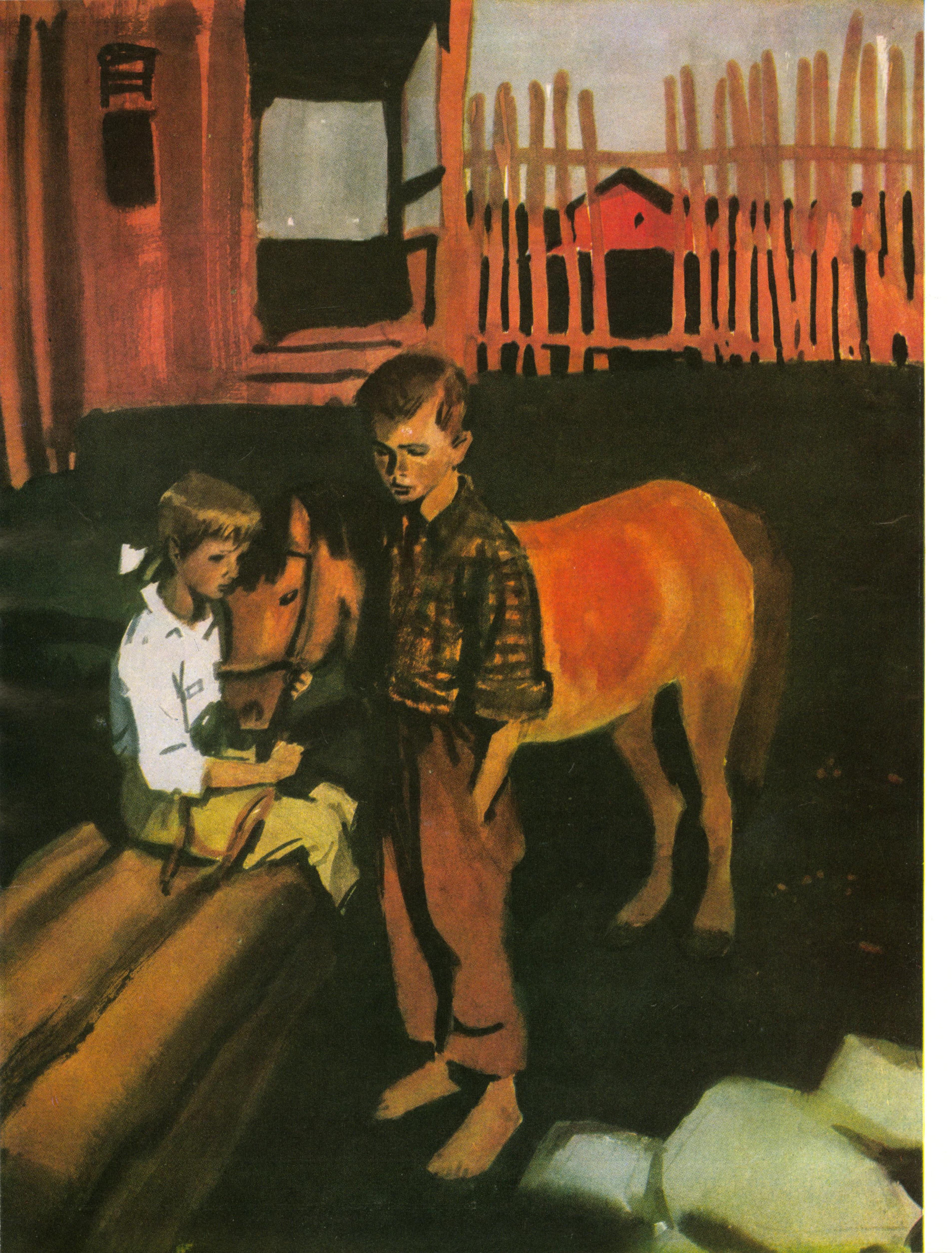
А закончить статью хотелось бы упоминанием еще об одной черте актерского и человеческого облика Плятта — о верности, о творческой верности... Жизнь связала Ростислава Яновича с театром, с самой личностью Юрия Александровича Завадского. Связь эта оказалась крепчайшей, проверенной годами и трудами, успехами и поисками. Быть может, только Театр имени Ленинского комсомола был еще в творческой судьбе Плятта, но целой жизнью стал Театр имени Моссовета, режиссура Юрия Завадского... Оба они — и актер и режиссер — выиграли от этой верности... Завадский всегда имел рядом идеального помощника и творца своих замыслов, Плятт всегда мог опереться на сильную руку Завадского — последователя Станиславского и ученика Вахтангова...

Фото В. ПЕТРУСОВОЙ.

Эль Греко. 1541—1614. ПОРТРЕТ ДОНА РОДРИГО ВАСКЕСА, ПРЕЗИДЕНТА СОВЕТА КАСТИЛИИ.

Государственный Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

СПОРТИВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Джеймс ОЛДРИДЖ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Глава XV

Я уверен, что отец ясно видел тогда невозможность выиграть дело Скотти. Потому-то он и предложил сделать так, чтобы пони сам признал своего настоящего хозяина. Эта идея, вероятно, пришла ему в ту минуту, когда он впервые присмотрелся к поведению пони и мальчика в полицейском загоне. Может быть, поэтому он так настаивал, чтобы именно Скотти давал лошади корм, присылаемый Эллисоном Айром? У нас дома жили кошка, собака и сорока, и все они были очень привязаны к отцу, потому что он сам кормил их. Собака Микки, шотландский терьер, часто сидела у его ног в суде, залезала незаметно под адвокатский стол и там укладывалась, терпеливо дожидаясь, когда хозяин погладит ее своей жесткой рукой.

Я много думал и о том, почему отец не дал мистеру Страппу задать на суде опасный вопрос: переплыл ли Скотти реку, увел ли он пони из поместья Айров? Честность моего отца была безупречна, но так уж повелось, что бывают вопросы, которых адвокаты никогда не задают на суде, когда защищают кого-либо...

В поисках места для решающего испытания остановились на территории нашей сельскохозяйственной выставки. Во-первых, потому, что она была окружена высоким забором и изолирована от города, и, во-вторых, на ее стадионе можно было легко разместить множество зрителей, желающих присутствовать на этой небывалой сессии «естественного правосудия».

Правила разработали довольно простые. Суд начнется на выставке через неделю. В течение этой недели ни Джози, ни Скотти не будет больше разрешено приближаться к пони в полицейском загоне. На арене уже начали возводить загородки: маленький загон, где будет ждать пони, огороженный узкий проход для пропуска пони на большую площадку, где будут размещены по углам Джози и Скотти. Выбор, сделанный пони, будет иметь силу лишь при условии, что оба претендента останутся на местах, когда пони подойдет к тому либо другому на близкое расстояние. Решение судьи будет считаться окончательным.

— А что, если пони не подойдет ни к ней, ни к нему? — спросил Том, когда мы прослушали за нашим обеденным столом эти правила.

— Им придется сидеть там, пока он не подойдет,— ответил отец.

— Это очень жестоко,— вспыхнула сестра Джинни.— Если Джози проиграет, она не переживет этого.

— И Скотти тоже! — запротестовал Том.

— Ну, он мальчик! Что ему в этом?

— Это очень много значит для них обоих,— подчеркнуто сказал отец.— В том-то и беда. Один должен выиграть, другой — проиграть.

Между тем голос общественной совести города Сент-Хэлен становился просто оглушительным. Повсюду, даже в школе, заключались открытые пари о результатах испытания. Мы держали пари на все, что оказывалось под руками,— на деньги, перочинные ножики, мраморные шарики, рогатки, крикетные мячи, теннисные ракетки, перчатки, футбольные мячи и бутсы, удочки.

В городе держали пари на деньги, правда, ставки были не такие отчаянные, как на бегах, но всех захватило занятное «спортивное предложение» моего отца. «Поставлю-ка пять шиллингов на мальчика»,— слышалось в парикмахерских, в пивных, на улице, на почте или кегельбане. Пит, сынок мясника, предлагал четыре к трем против Скотти. Он в лавке вел огрызком карандаша на свободных страницах книги заказов запись ставок всех домохозяек.

В субботу (испытание было назначено на среду) я увидел Джози в городе. Она сидела в отцовском «мармоне».

— Кит,— позвала меня Джози,— подойди сюда.

Я подошел. У Джози лихорадочно блестели глаза, горели щеки и губы.

— Все в городе держат пари, правда? — сказала она.

— Да,— сказал я.

— А ты за кого держишь? — спросила она.

Я не стал отвечать ей.

— Почему у вас в школе все ненавидят меня? — продолжала Джози.— Вы там говорите плохое обо мне.

— Но мы ведь обо всех разное говорим.

— А что говорит он?

— Кто? Скотти?

— Да. Он!

— Ничего. Он вообще не желает разговаривать об этом.

— И я тоже не хочу! — страстно, почти яростно крикнула она.— Почему никто из вас не верит, что это мой пони? И почему ты на стороне Скотти? Ты ведь городской.

— У твоего отца есть так много этих пони, Джози,— осторожно сказал я ей.— Ты могла бы выбрать себе любого по душе.

Это не было, конечно, настоящим объяснением моей позиции, но это было лучшее, что я мог сказать.

— Но это мой пони! — ответила она, сердясь все больше.— Если он получит пони, я никогда больше не стану ездить в город и ни с кем не стану разговаривать из здешних! — В голосе ее послышались сдерживаемые слезы.

Я продолжал в те дни присматриваться к Скотти. У него был такой вид, словно он чем-то отравлен. Больше всего его терзало долгое ожидание, и, конечно, он то и дело задумывался над тем, как пойдет дальше его жизнь. Он жил на грани полной отрешенности, ему грозило окончательно затеряться в равнодушной пустыне жизни, окружавшей его. У Скотти была натура его отца, но он еще не знал толком, с кем и с чем ему предстоит бороться.

Так выглядел он и в разговорах со мной и моим братом и перед восседавшими на возвышении судьями, которым дано было право решать его судьбу — отдать или не отдать ему Тэффа. Я-то знал, что, если бы Скотти потерял Тэффа окончательно, он безоглядно ринулся бы в волны отчаянного одинокого бунтарства, и ясно, куда это могло его привести.

— Кит,— позвал он как-то меня, перелезая через забор чьего-то сада и доедая сорванный мимоходом осенний апельсин.— Как ты думаешь, мне позволят завтра захватить с собой туда уздечку?

«Завтра» — это был решающий день.

— Не знаю, Скотти,— развел я руками.— Но почему бы и нет?

— Ты спросил бы у своего старика.

— Ладно.

Скотти по-прежнему хорошо относился к моему отцу, но спросить его об уздечке побаивался да и не хотел делать этого из гордости. Меня он спросил потому, что я был «свой».

— Джек Саммерс сказал мне, что ты говорил с девчонкой,— начал снова Скотти.

— С какой девчонкой? — Я решил повторить ту же игру.— Ты говоришь о Джози Айр?

— Да. О ней.

— Я говорил с ней вчера.

— А что она сказала?

— О чем?

— Обо мне.

— Ничего,— ответил я.— Она хотела узнать, что говоришь ты. Я сказал ей, что ты не хочешь разговаривать об этом.

— Но что она все-таки сказала? — настаивал Скотти.

— Что тоже не станет об этом разговаривать.

Мы шли, поднимая клубы пыли.

Окончание. См. «Огонек» №№ 1—8.

— Они думают, что выиграют, так, что ли? — спросил Скотти.

— Кто думает?

— Все они, те, что сидели в зале, там, в суде.

— О чем ты толкуешь? Многие из них на твоей стороне. Мистер Куфф, судебный пристав, и тот за тебя, и даже сержант Коллинз...

— Ну, это ты спятил! — отмахнулся Скотти.— Он всегда делает то, чего хотят от него они.

— Его принуждают так делать.

Скотти пожал плечами.

— Все равно, все они думают, что я проиграю. Но я не проиграю, Кит. Это мой пони. И когда я засвищу, или пощелкаю языком, или расправлю вот так уздечку (он показал пальцами), он пойдет ко мне. Вот увидишь.

— Я знаю.

— Пусть она кричит сколько хочет или зовет его по-всякому — Бо или как там... Ничего ей не поможет.

— Верно, Скотти,— дружески подтвердил я.

Глава XVI

Назавтра выдался чудесный день ранней осени. В нашей школе было позволено четырем ученикам из каждого класса пойти на сельскохозяйственную выставку — поглядеть, как действует естественное правосудие. В их число были включены и мы с Томом. Шествие возглавляли мисс Хильдебранд и мистер Кэннон — два непримиримых противника в тяжбе Джози — Скотти.

Трибуны вокруг арены были уже почти заполнены, а сама арена окружена толпой горожан, льнувших к изгороди и уже снова начавших спорить и пререкаться. Сержант Коллинз верхом на своем черном чистокровном жеребце торжественно разъезжал вдоль арены в полной военной форме. Он выглядел величественно и прекрасно держался в седле.

Мы увидели на арене загончик для пони, огороженный переход и площадку, по углам которой были поставлены кресла для Джози и Скотти. Позади этой площадки возвышалась трибуна, на которой обычно во время скачек сидели члены спортивного жюри. Теперь там должны были заседать судьи, мистер Страпп и мой отец.

— Посмотри-ка на Скотти! — сказала Дорис Даулинг, дергая меня за рукав.

Оказывается, Скотти уже сидел в одиночестве на кресле в своей площадке и болтал ногами,— он, как мы узнали, забрался туда с девяти часов. Теперь было десять — и никакого следа Джози Айр.

На трибунах послышались нетерпеливые возгласы. Кто-то завопил: «Лошадь подохнет от тоски, пока вы будете копаться!»

Пони между тем спокойно и неторопливо ходил по кругу в маленьком загоне. Но мышцы у него на шее и боках чуть вздрагивали: животное тоже начинало, видно, чувствовать нетерпение большой массы людей, окружавших его со всех сторон.

Тут появилась Джози. Она сидела в «мармоне» вместе с родителями, сзади следовал грузовичок с ее креслом. Блю снял кресло и подкатил его вплотную к дверце машины. Джози, словно чудом, как-то непонятно балансируя, перебралась в свое кресло сама, отказавшись от чьей-либо помощи.

— Молодчина, Джози! — крикнул кто-то.

Были и другие приветственные возгласы, было и шиканье. Джози не замечала ни того, ни другого. А Скотти сидел, подложив по обыкновению ладони под коленки, и осматривался вокруг, видимо, считая это многолюдье новой бедой, свалившейся на его голову.

— Начинайте! Довольно тянуть! — неслись теперь возгласы со всех сторон. Кто-то даже крикнул: — Где он, этот немой судья?

— Погляди на пони,— снова потянула меня за рукав Дорис Даулинг.

Пони теперь тряс головой и уже рысью бегал вдоль ограды своего загона, словно ища выхода. Один раз он даже ткнулся мордой в загородку, но тут же отпрянул, чуть не запутавшись в веревочной сетке.

Шло какое-то совещание у судебного стола: судья Страпп, мой отец и подошедший Айр сидели, близко наклонившись друг к другу. Потом мистер Куфф, судебный пристав, прошел к Скотти, что-то ему сказал, и Скотти протянул ему уздечку, которую пристав взял и положил на землю по ту сторону ограды. Так Скотти лишился своего заветного оружия. Это вызвало возгласы осуждения его сторонников.

— Несправедливо!

— Вы еще руки ему отрежьте!

Сержант Коллинз ехал рысью на своем чистокровном жеребце и сердито кричал, напрягая голос:

— Порядок! Соблюдайте тишину! Вы находитесь в суде...

— Слезай лучше со своего вороного, Джо! — крикнул ему кто-то.

— Это нечестно! — Звонкий голос Дорис Даулинг донесся, вероятно, до самого судьи.

Констебль Питерс уже стоял у калитки, ведущей из загона пони. Судья встал и подошел к барьеру трибуны, держа в поднятой руке платок. Наступила полная тишина. Я увидел, как Джози подалась вперед в своем кресле, а Скотти поднял пальцы ко рту, готовясь засвистеть.

— Вы готовы? — спросил судья обоих.

Видимо, они сказали «да»... Я не слышал. Судья махнул платком. Констебль Питерс открыл калитку. Пони несколько мгновений смотрел на открывшийся выход, потом рванулся вперед. Он пробежал узкий проход и остановился на большой площадке. Тут мы услышали оглушительный свист Скотти и отчаянный крик Джози:

— Бо! Бо! Сюда, сию минуту сюда!

— Тэфф! — негромко позвал Скотти, вынув пальцы изо рта.— Давай сюда...— И он несколько раз щелкнул языком.

Я с удивлением заметил, что Скотти сидит в кресле смирно, не вставая, должно быть, его предупредили, что это запрещается — ради Джози.

Пони постоял, пробежал рысью вдоль ограды большой площадки несколько ярдов, снова остановился и начал озираться.

— Бо! Бо! — громко звала его Джози, хлопая в ладоши.— Ну же, непослушная лошадка! Сейчас же иди сюда!

— Тэфф! — крикнул теперь громче Скотти и поднял руки над головой, изображая пальцами уздечку.— Восемь часов, Тэфф! Восемь часов! (Это было время, когда Скотти выезжал из дома в школу.)

Пони посмотрел на Джози и сделал несколько шагов в ее сторону.

— Бо! Бо! Бо! — напрягая голос, звала Джози.— Иди же, милый! Иди!

Скотти снова неистово засвистел.

— Я не могу, я не перенесу этого! — простонала Дорис Даулинг, опуская голову и глядя в землю. У меня было почти такое же чувство, но увлечение зрелищем взяло верх. По напряженному молчанию толпы я догадался, что им захвачены все, до единого человека.

— Нет, нет! — закричала Джози.— Сюда!

Пони, шагнув еще разок к Джози, вдруг круто повернул в сторону Скотти, но тут же остановился, поднял морду и стал внимательно вглядываться в судейский стол. Я думаю, у многих в ту минуту мелькнула та же мысль, что и у меня: а что, если пони не только понимает, что он в центре общего внимания, но и... нарочно разыгрывает из себя дурачка и дразнит всех своей медлительностью?..

Тут пони повернулся и, словно испугавшись, крупной рысью обежал площадку по кругу. На несколько мгновений и Джози и Скотти перестали звать его. Оба решили, видимо, выждать, что будет делать упрямец. А он остановился и даже повернул голову, словно обдумывая, не вернуться ли в свой загончик.

— Ну, что там происходит? — спросила Дорис Даулинг.

— Ничего. Он просто смотрит назад.

Снова Джози и Скотти стали звать пони к себе. Теперь стал ясно различим оттенок нежности в голосе девочки:

— Бо! Бо!.. Ну, пожалуйста, подойди ко мне... А то, смотри, я никогда не прощу тебе... Никогда... Ну, иди же...

Скотти как будто решил выждать, но вдруг принялся ерзать и подскакивать в кресле. И снова начал:

— Восемь часов, Тэфф... Восемь часов... Время ехать... Слышишь? — Он тыкал пальцами в воздух, словно пони должен был понять эти сигналы. Но пони не шевелился.

— Тэфф! — завопил Скотти так громко и отчаянно, что кое-где рассмеялись, это был единственный звук, который нарушил тишину.

Теперь пони шагал вдоль ограды площадки с таким видом, словно ему хотелось вообще выйти из этой нелепой игры. Он не оборачивался ни на те, ни на другие призывы. Но когда он проходил мимо Джози, всего в какихнибудь пяти футах от нее, она стала звать его изо всех сил, словно охваченная истерической злостью:

— Бо! Отвратительный злюка! Как ты смеешь не идти, когда тебя зовут?!

Голос ее прерывался. А пони просто стоял и глядел на нее. Она замолчала. И пони пошел прочь. Джози яростно заколотила руками по подлокотникам кресла.

— Тебя бы надо отхлестать! Иди же сюда! Не будь злым! — кричала она вслед пони.

Теперь Скотти начал щелкать языком и легонько ударять ладонью по креслу. Он охрип и, видимо, устал. Он не стал звать пони даже тогда, когда тот остановился футах в пятнадцати и стал в него вглядываться. Мне показалось, что Скотти решил послать к чертям и пони и всю эту канитель. Он теперь глядел на пони презрительно, словно тот перешел в лагерь его врагов.

— Бо! — Это был новый отчаянный крик Джози, но пони только вздрогнул и поднял голову.

Однако этот крик как будто вызвал перелом. Пони побежал прямо к Скотти и вдруг с ходу толкнул его и вышиб из кресла. Когда Скотти стал подниматься с земли и ухватился за шею пони, тот вздернул голову, поднял Скотти в воздух и тут же толчком снова сбил его с ног. О, это была привычная, известная каждому австралийцу грубоватая игра! Игра, которая так нравилась всегда и мальчишкам и пони. Весь стадион взорвался криками и одобрительными свистками.

— Это Тэфф! Это, безусловно, Тэфф! — вне себя от возбуждения кричал и я.

Я видел, как половина нашей школьной делегации принялась самозабвенно кричать и плясать. Гул на стадионе не ослабевал, взрывы веселого смеха встречали попытки Скотти обмануть пони и прижаться к нему телом. Я видел, как беззвучно открывался и закрывался рот судьи, но из-за шума не слышно было его слова. Наконец судья поднял руку и протянул ее красноречивым жестом в сторону Скотти.

— Я знала это! — визжала радостно Дорис Даулинг.— А ты разве не знал?

Мисс Хильдебранд стояла раскрасневшаяся, вся пылая радостным возбуждением.

Скотти, не в силах совладать с разыгравшимся пони, отскочил в сторону, а пони отбежал в другую. И тут-то пони показал свой поистине мефистофельский цинизм. Он двинулся прямо к Джози, несколько мгновений как бы с жалостью смотрел на нее, потом стал тыкаться в ее руки мордой.

Вся арена снова окуталась тишиной. Теперь Джози показывала всю силу своей привязанности к этому пони, а он терпеливо стоял, лишь изредка забирая зубами кончик ее рукава.

— Это Бо! — послышался гулкий возглас откуда-то из задних рядов.

Ну, конечно, это был Бо. Это был Тэфф — и это был Бо. После в городе еще продолжались споры, были даже драки, но уже никто не сомневался в победе Скотти. Пони подошел к нему первому, признал его, и судья вынес решение в его пользу.

Люди с трибун прорвались теперь на арену и старались подойти поближе к пони. Но тут я увидел, как Скотти схватил с земли уздечку, перебежал через площадку, накинул уздечку на Тэффа и молниеносно, как делал всегда, вскочил ему на спину. Верхом он влетел в маленький загончик, где раньше стоял пони. Там он стал дергать веревку, пока один из столбиков не выскочил из ямы. Тэфф легко перескочил через ослабевшую веревку, галопом помчался через всю территорию выставки — и оба исчезли.

— Сержант Коллинз!..

Я ждал, что Коллинз бросится в погоню за Скотти, но он только проводил его глазами и не двинулся с места. Все, не исключая и Джози, смотрели вслед Скотти, как наэлектри-

зованные. Немало людей двигалось в сторону Айров, но отец уже поднял Джози на руки.

— Пусти меня! Посади меня обратно! — кричала Джози, и отец поспешно опустил ее в кресло. Их окружила кучка сочувствующих. Мы потеряли ее на время из виду.

— Бедная Джози Айр,— вдруг печально сказала Дорис Даулинг.— Бедняга Джози!

Глава XVII

Я не знаю, приходило ли моему отцу в голову, что в тот день правосудие выбралось из тупика на спине капризной лошади. Он отказался дальше обсуждать с нами исход этого дела, даже запретил нам упоминать о нем.

— Довольно,— сказал он,— это все кончено. Вынесено ясное решение. Я не желаю никаких поминок в этом доме.

Но вне дома мы все-таки пытались найти ответ на нерешенные вопросы. В ближайшую субботу мы пошли на ферму Энгуса Пири.

— Тэфф, безусловно, переплыл реку и пристал к дикому стаду пони,— рассуждал я.— Может быть, испугался подползшей игуаны. Течение понесло его вниз и наискосок. Вот, я думаю, как это случилось.

Том решительно отказался поверить этому.

— Бо и Тэфф — не один и тот же пони,— упрямо повторял он.— Если бы это было так, почему же Бо оказался неприрученным?

— Не так уж много времени надо лошади, чтобы снова одичать,— доказывал я.— Скотти всегда держал Тэффа в полудиком состоянии.

— Если это один и тот же пони,— рассердился под конец Том,—тогда получается, что Скотти все-таки переплыл реку и увел Тэффа из конюшни в поместье Айров.

— Конечно! — воскликнул я.— Поэтому-то наш старик и не допускал, чтобы об этом говорилось на суде.

Неделю назад Тому приятно было думать, что Скотти переплыл реку и увел пони. А теперь он стал отрицать, что Бо и Тэфф — одна и та же лошадь!

Мы шли или бежали вприпрыжку среди всей благодати того дня, пытаясь справиться с этими коварными вопросами, и не находили убедительного ответа. Единственное, что было абсолютно ясно,— это то, что Скотти снова обрел Тэффа.

На ферме мы застали Скотти и его отца за работой: они строили новый загон для Тэффа и собирались окружить его прочной изгородью.

— Хэлло, мистер Пири, — сказал Том, — не нужна ли помощь?

— Айе! — ответил Энгус Пири.— Вот возьмите, мальчики, да выройте ямы и поставьте в них столбы. А проволоку я прибью после.

Энгус Пири воткнул лом в жесткую землю. Взяв огромный мешок с удобрениями, он вскинул его на спину и пополз, как муравей со своей ношей, через высохший выгон. Скотти приглядывался к нам, словно мы пришли предупредить его о грозящей опасности. Тэфф стоял в углу старого загона и глядел куда-то поверх наших голов.

— Что случилось? — спросил Скотти.

— Ничего не случилось,— сказал я.— Мы просто пришли проведать тебя.

— Я в порядке,— заявил он.— Но что же, они опять приедут сюда насчет Тэффа?—добавил он, и подозрение мелькнуло в его глазах.— Из-за этого вы пришли?

— С чего бы они стали это делать? — рассердился я.— Все решено и подписано. Тэфф— твой, Скотти, и все это знают.

— Пока они там не надумают что-нибудь снова...— Слова эти Скотти произнес ожесточенно и непримиримо.

— В понедельник ты приедешь на нем в школу? — спросил Том.

— Не стану рисковать,— ответил Скотти.

— Но никто тебя не тронет теперь, Скотти,— втолковывал я ему.— Теперь уж нет!

Из дома вышла миссис Пири:

— Хэлло, Том. Хэлло, Кит. Как поживает ваша мать?

— О, она чувствует себя хорошо, миссис Пири.

— Сейчас я принесу вам лимонада.

Мы принялись копать ямы для столбов и работали усердно. Миссис Пири снова появилась с двумя стаканами лимонада для нас и чашкой для Скотти. Я думал, что лимонад будет без сахара, но миссис Пири все-таки выделила столовую ложку из своего драгоценного запаса. Напиток был вкусный и очень освежал в этот теплый день.

— Я дам вам с собой кое-что для вашей матери. Немного домашних лепешек. Не забудьте, когда станете уходить.

— Мы не забудем,— сказал Том.

Она еще с минуту смотрела, как мы роем ямы, и, думаю, была счастлива видеть Скотти вот так, вместе с его друзьями.

Мы долбили и долбили твердую, засоленную, упрямую землю, когда вдруг услышали шум приближающейся машины. Это был фургон, он отчаянно прыгал и раскачивался на рытвинах, ямах, корнях деревьев.

— Это они! — крикнул Скотти.

Да, это были они — Эллисон Айр и с ним кто-то второй на переднем сиденье, а сзади, на платформе, торчала еще какая-то фигура, жалко мотавшаяся от толчков.

Скотти затравленно оглядывался на отца, но Энгуса не было видно. Тогда он схватил уздечку и мгновенно накинул ее на Тэффа. Он и ускакал бы прочь, если бы мы с Томом его не удержали.

— Они не возьмут его, Скотти,— говорил я, крепко держа его за руку.— Тебе нечего бояться.

— Нет, возьмут! — весь дрожал он, стараясь оттолкнуть меня.

— Да нет же, Скотти, сто раз нет! — кричал Том.— Они не могут!

— Если ты не выбросишь из головы этой дури, ты — пропащий человек! — крикнул я.

— Ладно,— сказал он мрачно и как-то вдруг обмяк.— Только не надо меня держать. И вытащи вон ту перекладину, Том. На всякий случай.

Том убрал одну из перекладин загона Тэффа — это была лазейка для бегства Скотти в случае необходимости. Мы стояли, как три мушкетера, и ждали, когда фургон подойдет ближе. И мы увидели, что рядом с отцом сидит Джози Айр, а на платформе фургона — Блю. Он махал нам рукой.

— Там она... девчонка,— прошептал, словно не веря себе, Скотти.

Фургон трудолюбиво выбирался из очередной канавы, и это, судя по лицу Джози, было для нее как мучительное наказание.

— Хэлло, Том! Хэлло, Кит! — сказал Эллисон Айр. И обращаясь к Скотти: — Хэлло, сынок!

— Почему вы его не называете по имени?— возмущенно спросил Том.

— Хэлло, мистер Айр,— выжидательно и недоверчиво протянул Скотти. Я слегка похлопал его по плечу в знак одобрения.

— Моя дочь хочет поговорить с тобой,— сухо сказал Эллисон.

— О чем? — спросил Скотти, не пряча своей враждебности.

— Она сама объяснит,— осторожно сказал Айр.— Не могу ли я перенести ее на веранду? После этой ужасной тряски...

Джози молчала. Она только глядела на Скотти, а он — на нее, не выпуская из рук поводьев Тэффа.

— Я не хочу на веранду,— сказала она и указала на шпалы, которые мы готовили вместо столбов. Эллисон послушно поднял ее, усадил и отошел в сторону.

Джози не спускала глаз со Скотти и Тэффа. Очевидно, Тэфф почувствовал это: когда она усаживалась, он вежливо и нагловато сделал два шага в ее сторону. Скотти потянул его назад. Теперь Скотти и Джози стояли лицом к лицу. Она заговорила рассчитанно спокойным голосом.

— Я только вот что хотела тебе сказать: мы очень сожалеем, что взяли по ошибке твоего пони. Мы не знали, что он твой...

Тэфф ткнулся мордой в ее плечо, и она, не стесняясь, прижалась лицом к его ноздрям.

— Вот и все...— добавила она и подняла глаза на Скотти.

— Я думаю... вы... вы не знали...— пробормотал Скотти.

— И он был диким, когда его привели,— продолжала Джози.— Я бы не взяла его, если бы знала. Я очень сожалею.

Скотти молчал и только все заметнее краснел.

— Это была не твоя вина,— выжал он из себя наконец.— Это он виноват...— Он ткнул пальцем в ребра Тэффа.

— Нет, он не виноват,— возразила Джози.— Просто так уж случилось, и все.

Пони обнюхивал рукав Джози. Не произнося ни слова, Скотти передал ей поводья. И тут уж Джози пришлось справляться с собой, несмотря на великолепную выдержку.

— Ты видишь,— сказала она.— Он Бо. Он ведь Бо, правда?.. Так вот... не мог бы ты иногда приезжать на нем в «Риверсайд»?

Скотти был теперь с ног до головы скован смущением и растерянностью.

— Я не хотел брать у тебя пони,— сказал он, запинаясь.— Но я ведь сразу увидел, что это Тэфф...

— Мне уже теперь неважно это,— сказала Джози, стараясь показать, что она не упала духом.— Но... ты ведь мог бы иногда приезжать? Ты бы ездил по выгону, а я бы смотрела...

Скотти стал оглядываться, словно ища помощи. Посмотрев на Эллисона Айра, он наконец нашелся:

— И все... будет в порядке, если я... сделаю это?

— Разумеется,— ответил Эллисон.

— Хорошо,— решительно сказал Скотти.— Буду приезжать... когда смогу.

— А ты приедешь в эту субботу? — не отступала Джози.

Теперь ступни Скотти прочно упирались в неласковую землю фермы.

— Нет,— сказал он с неожиданно вернувшимся недоверием.— В следующую субботу, пожалуй...— добавил он, превозмогая себя.

Джози поняла, что проиграла это маленькое состязание в настойчивости, и не стала спорить.

Миссис Пири вынесла кувшин с лимонадом и стаканы на оловянном подносе.

— Лимонад свежий,— сказала она. Я заметил, что она успела прицепить свою брошь «Эйлин».

Эллисон с обычной для него серьезной вежливостью сказал:

— Вы очень любезны, миссис Пири.

Он взял стакан, другой передал Джози.

— Благодарю вас, миссис Пири,— произнесла она несколько церемонно, в обычном для себя «риверсайдовском» тоне.

Блю тоже получил стакан и тут же облил себе рукав. Мы трое смотрели, как гости пьют лимонад маленькими глотками, ничем не показывая, что он не очень вкусен.

Мне показалось, что, глядя на миссис Пири, Эллисон и Джози только теперь начали сознавать, где они находятся.

— Что ж, нам пора, Джози,— сказал Эллисон.

Он подошел к Тэффу, взъерошил ему челку и проговорил мрачно, сквозь зубы:

— Эх ты, маленький звереныш! Из-за тебя заварилась вся эта каша...

Тэфф только вскинул голову. Джози вернула Скотти поводья. И в это мгновение лукавый насмешник сделал нечто непотребное: он цапнул Скотти за мягкое место.

— Ох, ты... скверная образина! — крикнул Скотти.

Джози рассмеялась. Она назвала Тэффа непослушным, нехорошим. Но отец уже нес ее к машине.

— Есть у тебя другой теперь?—неловко сказал Скотти.

Она молча кивнула головой и прикусила губу, словно опасаясь говорить.

Мы стояли и смотрели вслед фургону, который, добравшись до асфальта, весело зашумел и вскоре скрылся из вида.

Для нас с Томом и для Скотти все это уже отходило в прошлое. В то время мы еще не могли ясно видеть, что сулит нам в дальнейшем жизнь, но мы понимали, что она обещает немало трудных дней, обид, разочарований, непредвиденных капризов судьбы.

Собственно, мне больше нечего сказать, разве только напомнить, что только один из нашей компании присвоил себе право насмехаться над всей этой историей: это был Тэфф, он же Бо, с его легкомыслием, проказливостью, умом и сварливостью, которые свойственны лошади. И кто знает, может быть, он по-своему тоже оценил, что́ значит хорошее, вовремя сделанное спортивное предложение.

Перевел с английского Л. Чернявский.

В. М. Цуранов в штурманской рубке.

В. КУЗНЕЦОВ

Фото автора.

ХЛЕБ Р

Сколько их разбросано по тихоокеанскому побережью, рыбацких поселков, открытых всем ветрам, просоленных, пропитанных пряным запахом рыбы и водорослей... Недавно я побывал в таком поселке на острове Попова. День был торжественный — я попал сюда на праздник, поселок встречал свои сейнеры, пришедшие из дальней экспедиции. Сто двадцать дней и ночей работали рыбаки на сайровой путине у Курильских островов. Один за другим швартовались к причалам избитые океанскими волнами суда. Позади остались и штормовые дни и туманные ночи, когда острые «шпаги» прожекторов вонзались в кипящую белозеленую массу. Сайра, обитающая в северной части Тихого океана, обладает поразительной тягой к свету. Поэтому промысел ведется только ночью, и ловят ее, завлекая ярким электрическим светом.

С наступлением сумерек сейнеры начинают поиск. Шесть часов дано рыбаку на поиск... Шесть темных часов. Вот тут-то и проявляется мастерство капитана, главного рыбака среди семнадцати членов экипажа. От него зависит и выбор района лова и постановка ловушки. Успех дела во многом решает

И снова в путь-дорогу...

умение капитана разгадать повадки привередливой рыбы.

С Виктором Михайловичем Цурановым, капитаном РС «Пицунда», я познакомился на пирсе. Внешне он не похож на морского волка. Среднего роста, сравнительно молод, ему недавно перевалило за тридцать. И голос у него тихий. Он сошел на берег в рабочем ватнике, в потертой ушанке и как-то неловко присел, вытянув вперед руки навстречу бежавшей к нему дочке...

В капитанах Цуранов три года. До приема «Пицунды» работал на разных должностях. Своими рыбацкими университетами он считает годы, когда был старпомом у капитана РС «Доверчивый» кавалера ордена Ленина А. В. Ироденко. И как это часто бывает с хорошими учениками, Цуранов превзошел учителя. В экспедиции «Пицунда» имела план 2 500 центнеров, а взяли 4 709,— обошли «Доверчивого» на тысячу центнеров. За путину экипаж взял почти два плана.

На «Пицунде» все работали на совесть. Труд рыбака на сайровой путине напряжен до предела. Нащупал прожектор пляшущий косяк, и тут уж не зевай. Чем быстрее сработаешь с ловушкой, тем больше возьмешь рыбы.

Сайра — рыба удивительно нежная. И главное на промысле — сохранить добычу, доставить на берег рыбу первосортную. Поэтому и укладывают ее в специальные лотки. На «Пицунде» эту

Так черпают сайру из ловушки.

ЫБАКА

операцию выполнял самый опытный матрос, но все равно люди, освободившиеся от своих дел, спешили помочь ему.

...Недолго задержался сейнер у родного острова, недолго пробыли рыбаки в своих семьях.

Сдав улов, сейнеры уходят. Уходят мужчины, переступив, словно порог, белую полосу прибоя. Уходят в море на работу.

На рыбозаводе.

— Здравствуй, дочка!

К 500-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ НИКОЛАЯ КОПЕРНИКА

ЗАВЕЩАНИЕ АСТРОНОМА

Богдан **КАЗНОВСКИЙ**

Из окна кабинета профессора Ивановской видны антенны и купола — пейзаж, характерный для обсерватории. Профессор Ивановская — член Польской Академии наук, руководитель Астрономической обсерватории в Торуни при университете, носящем имя Николая Коперника.

В этом году весь мир отмечает 500-летие со дня рождения великого астронома. И, конечно, наш разговор тоже посвящен этой знаменательной дате.

Профессор Вильгельмина Ивановская вспоминает не столь далекие времена, когда польские историки науки любили подчеркивать, что Коперник был врачом, экономистом, юристом, занимался инженерной картографией и даже живописью, но как о «второстепенном» увлечении говорили о его астрономических трудах!

Теперь положен конец столь нелепым утверждениям. Под эгидой ЮНЕСКО проходит Год Коперника, и главные торжества состоятся у нас в Польше, куда съедутся астрономы всего мира.

В основе именно такого порядка проведения торжеств лежит глубокая идея: современная астрономия, физика, математика обязаны своим развитием гению великого астронома. Его открытие было равносильно подвигу — подвигу ума, воли, мужества.

...Когда-то среди астрономических идей господствовала геоцентрическая система, которую во II веке нашей эры окончательно сформулировал Клавдий Птолемей.

В XII веке теория Птолемея проникла в Европу. Среди университетских ученых, а также астрологов, занимавших тогда более влиятельное положение в ученом мире, чем астрономы, она считалась незыблемой.

Вполне возможно, что Коперник, поступив в 1491 году в Краковский университет и слушая лекции учеников выдающегося профессора Войцеха из Брудзева, уже тогда начал сомневаться в истинности теории Птолемея. Его гелиоцентрическая теория — плод долгих лет работы, мучительных раздумий.

По возвращении из Италии он изложил основные принципы своей теории. Но эта рукопись стала известной только узкому кругу ученых. Труд «Об обращениях небесных сфер» появился лишь в 1543 году, да и то был напечатан с предисловием, искажавшим идею ученого. Теперь даже неизвестно, какое название дал Коперник своему замечательному труду: титульный лист оригинала безвозвратно пропал. Можно представить себе муки астронома, который уже был серьезно болен и не мог опровергнуть фальсификацию!

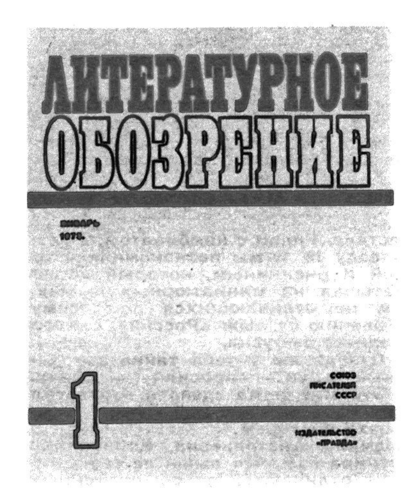
Николай Коперник умер в Фромборке в том же году. А произведение «Об обращениях небесных сфер», признанное костелом как противоречащее библии, было включено в список запрещенных книг. Было это уже после мучительной смерти Джордано Бруно, сожженного инквизицией на костре за то, что итальянский мыслитель осмелился подтвердить идею Коперника. Запрещение сняли только в 1828 году, на пороге нашей эпохи...

И все-таки великие идеи Коперника восторжествовали. Иоганн Кеплер сформулировал законы движения планет — законы «небесной механики»... Упало «яблоко Ньютона», яблоко, которое стало символом закона всемирного тяготения, закона, который Ньютон испытал на движении Луны. Он мог это сделать, только основываясь на гелиоцентрической системе Коперника. В труде Великого Поляка разве мы не встречаем упоминание о том, что Солнце притягивает планеты, а Земля — Луну? Таким образом, Ньютон блестяще завершил дело, начатое Коперником.

Затем явился Эйнштейн с его теорией относительности. Оказалось, что закон всемирного тяготения не только определяет вращение планет, звезд и галактик, но и объясняет основные физические изменения, происходящие в звездах.

Эстафета научного поиска продолжается. Я расспрашиваю Вильгельмину Ивановскую о последних достижениях астрономии. Она сама занимается изучением химического состава звезд. Ей принадлежит идея о необходимости изменения существующего расчета шкалы расстояний между галактиками. Называя астрономию одной из фундаментальнейших наук, профессор Ивановская ссылается не только на гелиоцентрическую теорию Коперника и ее применение в прикладных науках и технике. Она говорит о современном уровне астрономического знания, о возможности качественного скачка в этой области. Профессор считает, что существуют неизвестные еще виды энергии, которые ждут своего открытия. По сравнению с этими видами энергии взрыв атомной бомбы выглядел бы лишь как вспышка... спички. Она рассказывает о так называемых «белых карликах». Если бы мы представили себе Солнце, сжатое до размеров Земли, то получили бы модель «белого карлика». Наперсток этого вещества весил бы тонну. И такое вещество имеется во Вселенной. А плотность нейтронных звезд еще в миллиард раз больше плотности «белых карликов»! Чтобы получить такую массу, Солнце следовало бы сжать до размеров пули.

...В тишине лабораторий закладывают основы наук, которые, может быть, для наших потомков станут так же обычны, как «хлеб насущный». Может быть, например, электростанция, основанная на принципе гравитационного коллапса, будет так же проста в эксплуатации, как в наше время гидроэлектростанция? Нет конца движению человеческой мысли, так же как нет границ у астрономии, науки о развитии Вселенной...

НОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Вышел в свет первый номер нового ежемесячного журнала «Литературное обозрение», созданного в соответствии с постановлением ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» (январь 1972 г.).

В первом номере ежемесячника «Литературному обозрению» свои пожелания высказывают первый секретарь Нурекского горкома КП Таджикистана П. Горбачев, действительный член Академии наук СССР И. Артоболевский, летчик-космонавт В. Севастьянов и другие. Со статьями выступают известные писатели Георгий Марков, Иван Мележ, Алексей Сурков, Рафаэль Мустафин.

Значительное место отведено наиболее оперативному критическому жанру — здесь напечатано 45 рецензий на новые произведения советских и зарубежных авторов. Опубликованы крупные проблемные и обзорные статьи, такие, как «Выбор пути — обретение родины» Л. Теракопяна и обзор украинской поэзии 1972 года Л. Новиченко.

Журнал публикует и много других интересных и значительных выступлений.

Под рубрикой «Нам советуют» добрые слова новому изданию высказала библиотекарь Г. Дейнега из города Чернобыля: «...Желаю журналу суметь помочь читателям по-настоящему любить и понимать литературу, особенно современную». К этому простому и душевному пожеланию нельзя не присоединиться.

«ОГОНЕК» У ЧИТАТЕЛЕЙ ХАРЬКОВА

В этом городе десятки вузов, различных учебных заведений, множество научно-исследовательских, проектно-конструкторских институтов и других научных учреждений. И вместе с тем Харьков — прежде всего город рабочий, город машиностроительных заводов. И среди них такие известные всему миру, как ХЭМЗ и ХТЗ, завод имени Малышева и «Кондиционер», «Серп и молот», авиационный, турбинный, «Электротяжмаш»... Первые в нынешнем году читательские конференции «Огонек» решил провести в Харькове. 16 февраля состоялась встреча с коллективом Харьковского тракторостроительного завода имени С. Орджоникидзе.

В заводском актовом зале шел большой заинтересованный разговор читателей об «Огоньке».

Главный редактор журнала А. Софронов познакомил тракторостроителей с историей «Огонька», с его работой, с планами на будущее.

— Перелистывая подшивки «Огонька», мы можем проследить историю становления нашего государства, — говорил депутат Верховного Совета СССР, токарь Федор Дмитриевич Касьяненко. — В тридцатые годы его страницы открывали нам широкую панораму строек первых пятилеток, в том числе нашего родного ХТЗ; в тяжелые годы войны «Огонек» писал о героизме защитников Родины. Ныне каждую неделю, читая журнал, мы находим в нем очерки, репортажи о людях труда, о социалистическом соревновании, о культурной жизни Советской страны, о ее достижениях в науке и экономике, находим материалы о международной жизни, рассказы, стихи, повести. Все это интересует нас. Но каждый читатель ищет еще и свою тему. Я, например, — тему рабочего класса. Отрадно, что в последнее время журнал уделяет этой теме серьезное внимание. Мне нравятся очерки под рубрикой «За что уважают человека», широкий показ людей, наших крупнейших строек. Особенно пришелся по душе рассказ о ленинградском слесаре, воспитателе молодых рабочих Степане Витченко. Но еще бывает,— заметил Федор Дмитриевич,— что в ином материале недостает глубины, вдумчивого анализа взаимоотношений людей в процессе труда, поэтому мое пожелание журналу — развивая и дальше рабочую тему, глубже проникать в суть дела.

Ирина Полякова работает в заводской многотиражке «Темп». Она говорила о том, с каким интересом читались в «Огоньке» подборки стихов Леонида Мартынова, Евгения Евтушенко, Валентины Сааковой, ранее не публиковавшиеся стихи Назыма Хикмета. Привлекли ее внимание и статьи о Ф. Шаляпине, опубликованные в одном из последних номеров «Огонька».

— Хочется отметить,— продолжает она, — многие репортажи, фоторепортажи из разных уголков СССР и зарубежных стран, вкладки с репродукциями картин великих художников прошлого и современных мастеров. Эти листы «Огонька» воспитывают эстетический вкус у читателей, повышают их культуру. Такими представляются мне репродукции полотен Сурикова, Левицкого, современного художника Стожарова, Сарьяна. Огромное впечатление произвели на меня картины Ренато Гуттузо «Смерть рабочего», «Спящий ребенок», «Батраки».

У нас на заводе работает литературная студия, которую посещают многие молодые тракторостроители, пробующие свои силы в прозе или поэзии. Я, как одна из них, уполномочена передать вам наши пожелания: хотим видеть на страницах «Огонька» побольше рассказов, повестей, стихотворений, посвященных рабочему классу. Понравилась студийцам и послужила для них началом большого разговора о назначении поэта статья Василия Федорова «Блок и наше время». Побольше бы таких статей, исследований.

Большим и аргументированным было выступление Владимира Яковлевича Сватенко, воспитателя студентов машиностроительного техникума при ХТЗ. Он всесторонне проанализировал материалы разных отделов журнала, отметил многое, что особенно запомнилось ему, и высказал ряд критических замечаний — по содержанию, стилю, по форме подачи материалов.

Нормировщица сталелитейного цеха Нина Степановна Снежкина, библиотекарь Лидия Федоровна Панина, заместитель директора завода Михаил Гаврилович Заремба и другие, отмечая пропагандистскую, воспитательную роль журнала, высказывали свои пожелания в связи с 50-летием со дня выхода его первого номера, который, как известно, вышел 1 апреля 1923 года.

Конференция читателей «Огонька» состоялась также в Харьковской библиотеке имени В. Г. Короленко.

Сколько людей — столько мнений. Василию Венедиктовичу Чурову, например, понравились цветные вкладки с репродукциями полотен художников-классиков, фотографии с места событий, которые становятся затем достоянием истории, рассказы и повести известных писателей. И тут же он высказывает сомнение: нужно ли в «Огоньке» печатать материалы о бытовых неурядицах? Но постоянная читательница журнала с довоенных лет Александра Григорьевна Романчукова считает, что «Огонек» должен вторгаться в самые разные сферы нашего бытия. «Важно,— говорит она,— почувствовать позицию автора в отношении изображаемых событий». А. Романчукова хочет видеть на страницах журнала больше коротких информаций, новостей, материалов о самом разном.

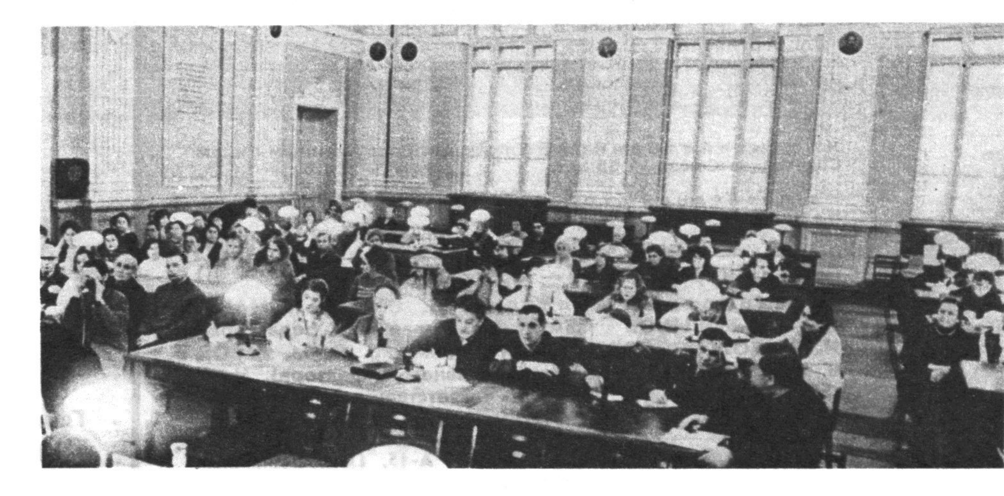
Читатели, говоря о некоторых разделах, рубриках журнала, отмечая отдельные публикации, дали много советов, высказали критические замечания. Читатели хотят видеть больше материалов о сегодняшней жизни страны, о людях переднего края борьбы за пятилетку, о людях интересной судьбы, профессии, биографии. Просят публиковать рассказы о жизни молодежи — и советской и зарубежной. Чаще публиковать песни, рассказывать об их авторах и исполнителях, о победителях эстрадных конкурсов.

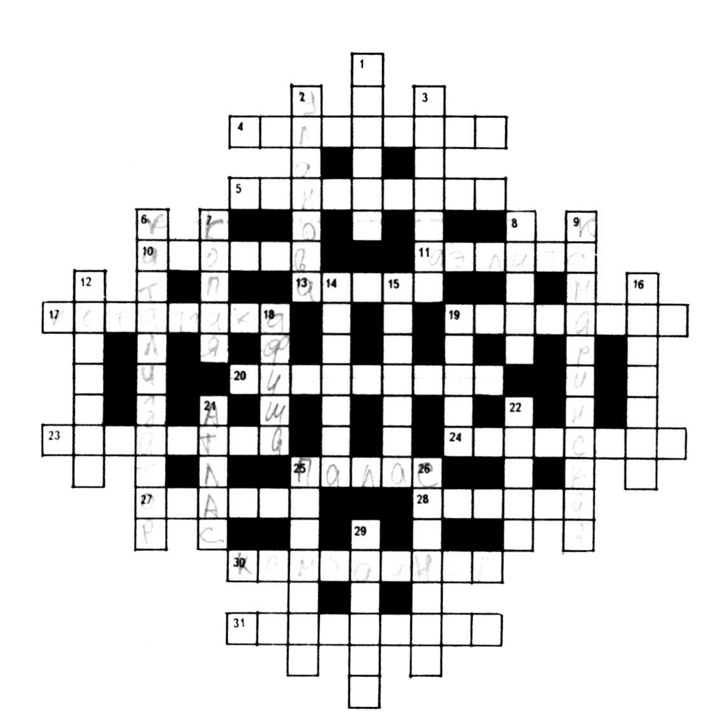
В читательских конференциях приняли участие ответственный секретарь «Огонька» Ю. Сбитнев, члены редколлегии Д. Бальтерманц, Л. Леров, собственные корреспонденты журнала на Украине С. Калиничев и Н. Козловский.

Идут читательские конференции: на Харьковском тракторостроительном заводе и в библиотеке имени В. Г. Короленко.

Фото Н. Козловского.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Музыкально-драматическое произведение. 5. Город в Азербайджане. 10 Русский металлург. 11. Научно-фантастический роман А. Н. Толстого. 13. Лицевая сторона медали. 17. Изделия из глины. 19. Жанр древнерусской литературы. 20. Раздел геометрии. 23. Повозка на дрогах. 24. Астрономический инструмент. 25. Безворсовый ковер. 27. Рассказ А. П. Чехова. 28. Южная зона арктического пояса земного шара. 30. Водитель сельскохозяйственной машины. 31. Воинское звание.

По вертикали: 1. Смета доходов и расходов государства, предприятия на определенный срок. 2. Советская балерина. 3. Столица Венесуэлы. 6. Вещество, ускоряющее химическую реакцию. 7. Точное воспроизведение оригинала, подлинника. 8. Созвездие северного полушария неба. 9. Русская плясовая песня. 12. Веслоногая птица. 14. Река в Архангельской области. 15. Круглое сооружение с куполом. 16. Советский офтальмолог. 18. Объявление о предстоящем спектакле, концерте. 19. Автор «Путешествий Гулливера». 21. Сборник географических карт. 22. Опера-балет Н. А. Римского-Корсакова. 25. Цветок. 26. Основная корпусная часть машины. 29. Бобовое растение.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали: 3. Седов. 6. «Колокол». 7. Фронтон. 8. Момбаса. 10. «Русалка». 15. Карась. 17. «Нерон». 18. Канзас. 20. Катарина. 21. «Журавель». 22. Тетива. 24. Салон. 25. Паруса. 27. Кутаиси. 29. Дебюсси. 30. «Шутники». 31. Уругвай. 32. Фидий.

По вертикали: 1. Веялка. 2. Босфор. 4. Ворона. 5. Боткин. 9. Синтаксис. 11. Умножение. 12. Фарадей. 13. Иремель. 14. Балласт. 16. Серов. 19. Агама. 23. Итуруп. 26. Рустам. 28. Иридий. 29. «Даурия».

На первой странице обложки: Вооруженным Силам Советского Союза — 55 лет.

На последней странице обложки: «Вам взлет!..» На марше.

Фото Г. Макарова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, Д. Г. БОЛЬШОВ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 5/II-73 г. А 00024. Подп. к печ. 20/II-73 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 447. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 159.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Фото А. БОЧИНИНА.

Вятские места издавна славятся своими лыжниками, а теперь этот снежный край знаменит и своими лыжами. Нововятский комбинат выпускает в год больше двух миллионов пар легких, быстрых и прочных лыж различных марок. На «Малютках» ходят питомцы детских садов, «Юность» предназначена для школьников, на «Быстрице» сдают нормы ГТО физкультурники самых разных возрастов, «Турист» рассчитан для дальних переходов, а о широких и вместе с тем легких «Лесниках» знают все охотники. Нововятский комбинат привлекает внимание не только новичков и рядовых любителей лыжного спорта, но и мастеров. Кто из них не знает о лыжах «Россия», которые ни в чем не уступают теперь даже знаменитым финским «Ярвиненам». Выпуск этих прекрасных лыж, недавно получивших Знак качества, их изготовление требуют дорогой импортной древесины: бальса — самого легкого дерева на земле и гикори — самого тяжелого, а также красного дерева, резонансной ели, высококачественной липы. Да и береза, которая является основным материалом лыж «Россия», должна пройти многомесячную естественную сушку и самый строгий отбор, прежде чем попадет в цех.

Выпуск лыж «Россия» начался фактически еще в 1955 году, когда на комбинате решили изготовить лыжи для своей команды, такие, чтобы сами летели по снегу. Говорят, что идея эта родилась у главного инженера комбината Михаила Михайловича Гурьянова, страстного поклонника спорта (он и сейчас одним из первых на заводе сдал все нормы на новый значок ГТО), а потом в работу включился и Петр Матвеевич Гошин — старейший мастер, которого правильней было бы называть художником. И вот в содружестве с конструкторами комбината рабочие цеха № 15 и выпустили в свет гоночные лыжи, впоследствии получившие высокое имя «Россия».

Сейчас в кабинете М. М. Гурьянова можно увидеть на своеобразной выставке многие выпуски «России». Ведь в конструкцию лыж из года в год вносятся все новые и новые детали, улучшающие их ходовые качества и прочность. Над этим работают многие — и испытатели лыж (есть такая штатная должность на комбинате), и известные гонщики страны, выступающие на нововятских лыжах, и лыжники комбината, среди которых шесть мастеров спорта и двенадцать перворазрядников.

Да, на Нововятском комбинате не только производят прекрасные лыжи, но и с успехом на них выступают. Вот мы и решили отправиться вслед за нововятскими лыжами, посмотреть, где они находят себе применение.

Надо сказать, что для этого нам не пришлось отправляться в далекое путешествие. Рядом с комбинатом, в детском саду № 1, мы познакомились со Славой Корченкиным, который ловко раскатывал на миниатюрных лыжах, ничем не отличающихся по своему оформлению от лыж «Россия», самого последнего выпуска.

— Откуда же у тебя такие замечательные лыжи? — спросили мы Славу.

— Это мне мама сделала,— ответил юный гонщик,— она работает в лыжном цехе мастером.

Людмила Анатольевна Корченкина объяснила нам, что лыжи ее сына ничем не отличаются от обыкновенных «Малюток», кроме внешней отделки, а вот сын другого рабочего Нововятского комбината, Геннадия Алексеевича Мальцева, шестнадцатилетний Саша, и в самом деле ходит на настоящих высококлассных лыжах «Россия», которые он получил на соревнованиях «Приз лыжи «Россия». Эти соревнования стали традиционными и проводятся каждый год, привлекая на старт не только кировских гонщиков, но и лучших лыжников всей страны.

Саша Мальцев, гонщик 1-го разряда, гордость детской спортивной школы, в которой занимается четыреста ребят, а его отец, в прошлом сам прекрасный лыжник, является председателем родительского комитета спортивной школы. Это он и его товарищи по комбинату помогали строить здание детской спортивной школы и снабжают ее учеников прекрасными лыжами.

Таких детских спортивных школ много сейчас в Кировской области. Они работают не только в городах, но и в далеких деревнях — Даровском, Вятских Полянах, в городе Омутнинске (там вырос такой прекрасный лыжник, как Юрий Скобов, ныне член сборной команды страны). Во всех этих школах молодые гонщики ходят на прекрасных нововятских лыжах.

Любовь к лыжам, уважение к ним — неотъемлемая часть спортивного воспитания. А чтобы уважать лыжи, на которых ходишь, они должны быть удобными, нарядными, прочными. И те, кто трудится в 15-м цехе Нововятского комбината, всегда об этом помнят. Они с любовью отделывают каждую пару вне зависимости от того, кому эти лыжи предназначены — малышу из детского сада или олимпийскому чемпиону Вячеславу Веденину.

С Нововятского комбината ушла уже не одна пара лыж, созданная по заказам известных мастеров с учетом всех их пожеланий. На лыжах, сделанных своими же руками, выступают лучшие гонщики комбината, мастера спорта Игнат Вальхин, Владимир Бакулев, начальник цеха Геннадий Поназырев. Мы видели их и в цеху, за склейкой будущих лыж, и на тренировке.

Вятские места славятся своими лыжниками и лыжами...

В. ВИКТОРОВ

ОТ «МАЛЮТ

Геннадий Поназырев, Игнат Вальхин и Владимир Бакулев — лучшие гонщики Нововятского комбината.

Слава Корченкин и его лыжи.

КИ» ДО «РОССИИ»

На занятиях в детской спортивной школе.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663